

ANNE
DAR

18+

МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ
ТУРНИР

Дикий Металл

Anne Dar

Металлический Турнир

«Автор»

2017

Dar A.

Металлический Турнир / А. Dar — «Автор», 2017 — (Дикий Металл)

ISBN 978-5-532-99085-2

Теа – первая в истории постапокалиптического мира девушка с пятой группой крови. Выявив эту особенность, власти изымают её из общества вместе с остальными «пятакровками» и добровольцами, считающими попадание в столицу шансом для военной карьеры. Однако вскоре вся жизнь молодых людей сводится к борьбе за выживание: сначала в подземном лабиринте, а затем в непроходимых лесах, они борются за право на жизнь. Из 120 человек шансы выжить есть лишь у троих – тех, кто сможет не только добраться до финиша живым, но и отвоевать победу у сильнейших противников.

ISBN 978-5-532-99085-2

© Dar A., 2017

© Автор, 2017

Содержание

Глава 1.	5
Глава 2.	7
Глава 3.	12
Глава 4.	17
Глава 5.	21
Глава 6.	25
Глава 7.	28
Глава 8.	31
Глава 9.	36
Глава 10.	40
Глава 11.	43
Глава 12.	46
Глава 13.	48
Глава 14.	53
Глава 15.	57
Глава 16.	62
Конец ознакомительного фрагмента.	65

Anne Dar

Металлический Турнир

Глава 1.

Я шла по ветхой, потрескавшейся брусчатке, оставляя за собой пылевую дымку, вызывающе поднимающуюся из-под моих потертых ботинок. Сегодня в центре города было пустынно. Это было неудивительно, как и то, что именно сегодня мне не повезло наткнуться на ликтора* (*Служащий правоохранительных органов). Ликторы никогда не отличались дружелюбием и всякий раз на фоне Церемонии Отсеивания делали свой оскал предельно широким. О чем я только думала, выходя в центр именно сегодня? Я даже не успела дойти до пекарни, когда это ничтожество возникло передо мной. Скрепя зубами, мне пришлось распрощаться сразу с пятью голубями, покоящимися в вещевом мешке за моей спиной. Я через силу разошлась с этим ликтором на тихой ноте только ради того, чтобы моя история о том, что я случайно подбила птиц у старой мельницы, не вызвала подозрений. Дефицитные голуби уже давно перевелись в нашем Кантоне*, и даже на древней мельнице не осталось ни единого – все пали жертвами голодающих прачек, живущих в бараках, расположенных напротив последнего пристанища птиц (*Административно-территориальная единица).

Если дать характеристику Кантону-А одним словом, этим словом будет “голод”. Стекольный завод, обеспечивающий наш Кантон, хотя и является единственным на весь Дилениум* (*Страна), с каждым годом песчаные карьеры к югу от Кантона становятся всё мельче, что предзнаменует постепенный и неизбежный упадок “А”. Подобное уже случалось с нашими соседями. Когда Кантон-І разорился, исчерпав все запасы бурого угля, его население осталось без шанса заработать на кусок хлеба. Позже людей заставили работать на скотоводнях, но прежде чем скотоводни были организованы, население пухло от голода, вымирая словно мухи. После пятилетнего кризиса, немногочисленные люди, чудом выжившие в “І”, буквально вгрызлись в возможность круглосуточно батрачить на фермах, утопающих в навозе и перегное. Да, за последующие пару лет “І” стал одним из самых богатых Кантонов Дилениума, так как Кар-Хар* (*Столица) всегда испытывал нужду в свежем мясе и молочных продуктах, однако какую цену пришлось заплатить “І”, чтобы выжить. В течение того пятилетнего голода, каждый третий, или даже каждый второй человек в “І” умер от голода. Оборачиваясь на их трагическую историю, нам приходится опасаться грядущих лет для Кантона-А.

Нужно было прислушаться к Эльфрику и пересидеть этот день в четырех стенах, как и большинство здравомыслящих людей, заботящихся о целостности своих костей, – не пришлось бы расставаться с жирными голубями. Спустя пять минут после встречи с ликтором, я попрощалась с милой для своих ботинок брусчаткой и перешла на подобие дороги, в бурлящей грязи которой, каждую дождливую осень, тонули полудохлые крысы. Сейчас, в первый день засушливого июля, о промокших ногах можно было не беспокоиться, однако нахлынувшие воспоминания об осени заставили меня непроизвольно поморщить носом. Прошедшая ночь была достаточно прохладной, и в шесть утра мне было приятно кутаться в старую толстовку с давно сломанной молнией. На этом всё приятное на сегодняшний день заканчивалось.

Дома я оказалась в начале седьмого, о чем свидетельствовали дряхлые настенные часы в виде совы, висящие у входа. Не знаю как для остальных Кантонов, но для “А” часы – это непозволительная роскошь. Пусть даже барахлящая, наново склеенная и ужасно страшная, но роскошь. Эльфрик обменял целого сома на них и первое время я бурчала о невыгодной сделке, однако когда спустя несколько дней часы начали кряхтеть, показывая время, я решила

заткнуться, всё еще не понимая зачем нам часы, ведь ими сыт не будешь, в отличие от хорошенько прожаренного сома.

Пройдя мимо Эльфрика, растянувшегося на дряхлом диване, я зашла за свою ширму и рухнула на подобие постели, походящей больше на лежанку для приبلудившегося пса. Дом, в котором я жила с дядей, скорее был и не домом вовсе, так как представлял собой всего лишь небольшую комнату на тридцать квадратных метров. Это если не учитывать санузел, в котором находился единственный источник воды в нашем доме, пусть только холодной и временами ржавой. Помимо воды здесь еще располагался разбитый унитаз, возле которого было установлено ведро с водой, для возможности смывать за собой “результаты жизнедеятельности”. Для того чтобы помыться, приходилось греть воду в котле, подвешенном в камине, и наполнять теплой водой железную ванну, установленную возле унитаза.

Естественно у нас, как и у девяноста пяти процентов населения Кантона-А, не было плиты, поэтому нам приходилось топить камин, чтобы приготовить себе толковый обед. А так как летом и без камина было слишком жарко, зачастую в эту пору года мы придерживались сыроедения. Я была не против подобного расклада, да и никто в Кантоне-А не был против подобного расклада, ведь главное, чтобы в принципе было что есть, а сырым или вареным – это вопрос второстепенный, которым не могут себе позволить задаваться люди, живущие в вечном голоде.

Наша комнатка была условно разделена на три части: часть у входа, в которой стоял огромный платяной шкаф, сразу занимающий полкомнаты, дряхлый диван, журнальный стол и табурет, на котором доживал свои последние дни кряхтящий телевизор, – это зона сна Эльфрика; часть за широкой ширмой, расположенной в паре шагов от дивана, за которой на полу был разложен старый плед с подобием одеяла и подушки, – это зона моего сна; часть, в которой стоял ветхий буфет, – это зона кухни. Окно, расположенное за ширмой над моей головой, упиралось в каменную стену высотой в двадцать метров, так что единственным источником света в нашей хижине являлось окно, вырезанное в стене перед диваном Эльфрика. Когда с наступлением сумерек становилось слишком темно, мы пользовались керосиновой лампой – Эльфрик знал, у кого можно обменять дюжину уток на пару литров чистого керосина.

Наша хижина стояла в самом конце улицы, с северной и восточной стороны упираясь в стену, очерчивающую пределы Кантона-А, с западной стороны встречаясь с хижинкой стекольщика, а с южной выходя на узкую улочку с перекошенными деревянными домишками, больше походящими на обветшалые коробки. Нам сильно повезло с тем, что наша хижина была кирпичной – при сильной засухе деревянные дома зачастую горели, а с учётом их плотного соседства, порой за один пожар успевали выгорать целые улицы, прежде чем огонь успевали подавить. Немногочисленные дома из красного кирпича, как наш, выделялись из общей массы дерева, и их хозяева немногим легче воспринимали опасность возгорания имущества от спички.

До начала Церемонии Отсеивания оставалось шесть часов, что означало, что у меня еще есть время на сон. Я сняла носки и толстовку, натянула на себя относительно чистую льняную простынь и закрыла глаза, стараясь не думать об утраченных тучных голубях, которых ещё час назад я планировала выменять на мыло.

Глава 2.

Пришлось потратить последний обмылок, чтобы смыть с себя грязь недельной давности, и вот я уже стою в здании Администрации Кантона-А, и растираю безымянный палец правой руки. Церемония Отсеивания – это, по сути, отбор пятикровок – людей, склонных к металлическому гену. Ровно пятьдесят лет назад, после глобальной техногенной катастрофы, уничтожившей почти всё человечество, начали появляться первые носители пятой группы крови – “пятикровки”. Только некоторые пятикровки являются носителями скрытого мутирующего гена, который способен сделать своего обладателя определенным Металлом – человеком-мутантом, наделенным неординарными способностями. Металл обладает практической бессмертностью и способен превращать обычные вещи в металл, который он собой представляет. В течение прошедшего полувека выяснилось, что пятикровками являются исключительно представители мужского пола, так что для девушек подобная церемония – банальная формальность, чему я несказанно рада.

Перспектива пятикровия почти никого не радовала. Один раз в пять лет молодых людей от восемнадцати до двадцати двух лет, в обязательном порядке сгоняют в здание Администрации, чтобы извлечь из них образец крови – этот процесс и называется Церемонией Отсеивания. Пятикровок отсеивают и увозят в Кар-Хар, остальные же вольны продолжать проживать свои жизни в поисках куска хлеба. С этого момента “отсеянные” пятикровки считаются пропавшими без вести. Об их дальнейших судьбах ничего неизвестно, отчего все убеждены в том, что с момента Церемонии Отсеивания пятикровки обречены на нечто ужасное. Все так считают не только из-за страшных сказок бабок-повитух, но и потому, что по хорошим причинам люди без вести не пропадают.

Пять лет назад, после предыдущей Церемонии Отсеивания, мой знакомый по имени Клайд, который зачастую помогал мне добывать такие дефицитные продукты как сахар или дрожжи, не вышел из здания Администрации. Разыскивая парня, чтобы сбыть ему пару куропаток, я узнала о его пятикровии на следующий день после Отсеивания. Уже пять лет как Клайд считался пропавшим без вести, а его семья, состоящая из трех женщин, лишившись главы семейства, теперь едва сводит концы с концами. По старой памяти мы с Эльфриком иногда заносим им что-нибудь из своих трофеев, если только можем позволить себе подобную роскошь, и, кажется, если бы мы этого не делали, эти женщины умерли бы от беспросветного голода уже спустя год после пропажи своего кормильца.

Однако, несмотря на то, что все были в курсе того, что дорога в Кар-Хар ведет напрямик к забвению, а пятикровие – это приговор (только если ты не родился в трех рубашках одновременно), – всё равно находились безумцы, которые вызывались добровольцами. Таких людей называли тэйсинтями или попросту самоубийцами.

В конце концов, из тысячи молодых людей один раз в пять лет отсеивается лишь около десяти пятикровок, поэтому все парни во время Церемонии рассчитывают лишь на то, что вероятность услышать своё имя слишком мала. И только девушки перед Отсеиванием могут спать спокойно, так как за полвека существования пятикровок еще не обнаружилось ни единой пятикровки без яиц. Если девушка и уезжала в Кар-Хар, тогда она обязательно являлась тэйсинтаем.

В этом году в Кантоне-А было всего лишь триста девяносто семь молодых человек в возрасте от восемнадцати до двадцати двух лет, чьи безымянные пальцы должны были пострадать от иглы. Это вдвое меньше, чем в прошлый раз. Виной резкому уменьшению численности населения в “А” была эпидемия острого кишечного гриппа, вспыхнувшая четыре года назад и покосившая двадцать шесть процентов Кантона. Во время этой напасти людей срезало пачками

до тех пор, пока Кар-Хар не решил выделить партию инъекций для зараженных. В итоге эпидемия была остановлена, но за прошедшие три месяца мора население “А” резко сократилось.

Стоя теперь в очереди, я осматривалась по сторонам, пытаюсь отстраниться от общего ощущения паники. Просторный зал был разделен на три части: а) сцена, на которой присутствовали послы Кар-Хара, б) участок для тех, кто еще не сдал анализ крови и в) участок для счастливиц, успешно избежавших приговора. Каждые пять лет из Кар-Хара прибывает пара Металлов, которые стоят на сцене во время Церемонии Отсеивания, чтобы наблюдать за безошибочностью проведения мероприятия. На сей раз представителями являлись Платина и Ртуть.

Платина был самым первым открытым Металлом. Его открыли двадцать восемь лет назад в двадцатидвухлетнем возрасте, что означало, что сейчас ему должно было быть ровно пятьдесят, однако он выглядел не старше двадцати пяти лет. Платина был широкоплечим, крупным парнем ростом около метра восьмидесяти, с точеным телом, пышными черными волосами и красивыми широкими скулами, что автоматически делало бы его эталоном мужской красоты, если бы не его отстраненный вид, который ясно давал понять, что ему наплевать на происходящее вокруг.

Вторым Металлом была Ртуть – статная блондинка с волосами до лопаток и ногами от ушей. Она была настолько красивой, что от её созерцания наверняка можно было бы ослепнуть, если бы на нее пришлось смотреть не моргая дольше одной минуты. Однако её красота всем своим видом источала опасность. На протяжении всей Церемонии Ртуть всем своим видом демонстрировала, что ей неприятно находиться среди оборванцев, и я была более чем уверена в том, что будь её воля – она бы перестреляла всех присутствующих лишь для того только, чтобы освободить себя от бремени присутствия в гнилом Кантоне, вот только она не была уверена в том, что в процессе не запачкает свои атласные серые перчатки, покрывающие её руки до локтей.

Ртуть была одной из двух Металлов, которые являлись женщинами. Естественно она не была пятикровкой, что делало её существование в ранге Металла загадкой, ведь Металлом может стать только пятикровка, а пятикровками являются только мужчины... Все предполагали, что Ртуть обычный тэйсинтай, которому сделали переливание пятой группы крови, однако никто в этом не был уверен на сто процентов.

По сути, Металлы должны были присутствовать на Церемонии для того, чтобы воодушевить пятикровок и вселять в них надежду на то, что они тоже вскоре смогут обрести вечную молодость, посредством своего возможного обращения в Металл. Обычно это работает, но, судя по слухам, зачастую бывают срывы, когда молодые люди впадают в истерику от страха перед своим будущим, о котором люди распускают не самые лучшие догадки, и совершают неудачные попытки самоубийств. В Кантоне-А подобных инцидентов прежде не случалось, что немного успокаивало.

Также, по непонятной мне идее, присутствие Металлов должно было воодушевлять обычных людишек становиться тэйсинтаями, ведь это даст нам, оборванцам, возможность отправиться в Кар-Хар, процветающую столицу голодающей страны... Если в других Кантонах и были самоубийцы, то в Кантоне-А тэйсинтаев не было вообще никогда.

На стене за спинами Платины и Ртути, стоящих по две стороны сцены, высвечивался простой пример с решением: “ $285+112=397$ ”. Это означало, что в зале присутствует двести восемьдесят пять парней и сто двенадцать девушек. В этом году “неотсеянных” было мало, из чего следовал вывод, что Церемония должна пройти быстрее обычного.

Змееподобная очередь, вьющаяся с перекрытого ликторами входа, быстро продвигалась к сцене. Вначале шли парни, сразу за ними следовали девушки, с неприкрытым облегчением перешептывающиеся между собой о том, что рады тому, что появились на свет в ранге слабого пола. Мне же хотелось поскорее уколоть палец и, оказавшись в толпе счастливиц, с облег-

чением вывалиться из этого здания, чтобы крепко обнять ожидающего меня снаружи Эльфрика. Мы с дядей редко обнимались, но всякий раз делали это так, словно больше шанса нам может не представиться. Этим утром мы обнялись.

Окунувшись в мысли об Эльфрике, с которым мы договорились сразу после Церемонии отправиться в пекарню, чтобы обменять куропатку на яблочный пирог у старика-пекаря, я на минуту забыла о том, что уже у четверых парней, стоящих возле Ртути, жизнь, скорее всего, бесповоротно разрушена (а если судить по их лицам – окончена). Улыбаясь воображаемому Эльфрику, я перевела взгляд со стены, на которой медленно таяли цифры, обозначающие количество непроверенных людей, и неожиданно встретила с холодным взглядом Платины, который выражал полное безразличие, но скорее не к моей персоне, а ко всему происходящему вокруг. Я резко опустила голову, чтобы не привлекать к себе внимание, и начала потирать руками бедра. Мои майка, мешковатые штаны и кроссовки, с пробитой гвоздем пяткой, были черного цвета, но не потому, что черный – мой любимый цвет, а потому, что он лучше всего скрывал грязь. Естественно Эльфрик настоятельно посоветовал мне перед Церемонией выстирать свою лучшую одежду, однако едва ли стирка в итоге смогла спасти мой внешний вид. Даже распущенные черные волосы, которыми я прежде гордилась, на фоне атласных локонов Ртути выглядели дешевым ширпотребом.

Около получаса я смотрела в спину парня, стоящего впереди меня, который был всего на пару сантиметров выше моей головы. Он был одет в выпцветшую коричневую футболку и, судя по частым почесываниям головы, в его отросших волосах явно бродил целый выводок блох. Мне каждое лето приходилось бороться с этими паразитами при помощи растворов полыни, пижмы, соды и прочих премудростей, так как Эльфрик не одобрял моего желания состричь волосы. И хотя я была в курсе того, что блошиной фермой в Кантоне-А заведует каждый второй человек и каждый первый пёс, стоять возле парня, который в силах побрить голову, чтобы не раздражать её в кровь, было немного неприятно.

Я была первой девушкой в строю, следующим сразу за строем парней, поэтому когда дело дошло до последнего парня, стоящего как раз передо мной, я с облегчением выдохнула, предчувствуя близкое завершение Церемонии. На сцене всё ещё стояло только четыре пятикровки, что было редкостью, так как обычно в Кантоне-А набиралось от десяти до пятнадцати человек. Нынешние “счастливчики” толпились за спиной Ртути, всего в шаге от холодной блондинки, так как по правилам Церемонии “отсеянные” парни должны были стоять со стороны женщины-Металла, а девушки со стороны мужчины-Металла. Из-за того же, что тэйсинтаев в Кантоне-А никогда не было, правая часть сцены за спиной мужчины-Металла всегда пустовала.

Задача очередников была проста – подойти к столу, за которым сидел медик из Кар-Хара в сюрреалистическом белоснежном халате и стерильной повязке на лице (словно боится подцепить какую-нибудь гадость от контакта с местным населением), протянуть правую руку, почувствовать укол в безымянный палец, услышать “чисто” и отправиться к толпе, которую миновал дамоклов меч. Если доктор вместо слова “чисто” начинал зачитывать личные данные стоящего перед ним человека – это считалось прямым оглашением пятикровия. Зачитка личных данных делалась для того, чтобы формально познакомить присутствующих с новобранцем, однако все прекрасно понимали, что всем глубоко наплевать на то, как именно зовут несчастного, и какой у него рост.

Парень, стоявший передо мной, сделал пять шагов вперед за очерченную желтую линию, протянул руку и, спустя несколько секунд, берущий анализ крови медик вдруг начал произносить:

– Сол Вега, двадцать два года, три месяца, четыре дня от рождения. Рост метр семьдесят четыре, вес шестьдесят пять килограмм, светлый шатен, цвет глаз карий. Пятикровка. Прошу подняться на сцену.

– Нет, – спустя пару секунд гнетущей тишины раздался приглушенный выдох парня и, замотав головой, он вдруг сделал шаг назад. Ликторы, стоящие по две стороны от ступеней, ведущих на сцену, сдвинулись со своего места, но парень неожиданно достал из-за пазухи пистолет и...

Выстрелил себе в висок!

Всё произошло так быстро, что я даже не успела испугаться. Секунда – и на меня что-то попало, еще секунда – и парень лежит у моих ног. Толпа девушек за моей спиной мгновенно начала визжать, парни из толпы “Чистых” начали гулко реагировать, и только я замерла на месте, глядя широко распахнутыми глазами на лужу крови, вытекающую из головы незнакомца, распластавшегося прямо передо мной. Моя правая рука была забрызгана его бордовой кровью, и я почти была уверена в том, что на лицо мне тоже попало.

Ликторы начали стучать дубинками по щитам и это достаточно быстро заставило толпу умолкнуть. Спустя минуту два ликтора за руки вытащили тело пятикровки из здания Администрации. Когда ответственный за проведение Церемонии ликтор прекратил выяснять, как именно самоубийце удалось пронести оружие в здание, с учетом того, что всех на входе обыскали, и толпа наконец смолкла, в воздухе повисла режущая перепонки тишина. Я всё еще ошарашенным взглядом смотрела на лужу крови, медленно подступающую к моим ногам, из последних сил подавляя зудящее желание стереть капли чужой крови с моей побледневшей руки.

– Покончим с этим, – злобно прорычал ликтор, стоящий между мной и столом, за которым сидел медик, после чего добавил. – Следующий.

Я была удивлена тому, что у меня получилось сдвинуться с места при том, что теперь я ощущала себя ледяной глыбой, которая едва ли способна была передвигать своё тело самостоятельно. Аккуратно обойдя кровавую лужу, я остановилась напротив стола медика и замерла.

– Руку, – невозмутимым, уставшим тоном произнес мужчина в белом халате, но я пропустила его требование мимо себя, всё еще пребывая в шоке. – Руку, – более настойчиво и громко повторил медик, что наконец заставило меня прийти в себя. Быстро заморгав, я протянула правую руку вперед, после чего к моему безымянному пальцу поднесли синий прямоугольник, из которого внезапно вынырнула игла, едва ли не пронзившая мой палец насквозь. Поморщившись, я перевела взгляд на четверых парней, стоящих на сцене возле Ртути, затем на толпу “Чистых”, и впервые за всю свою жизнь положительно отнеслась к тому факту, что рождена девушкой.

Я снова посмотрела на медика, который уже успел опустить образец моей крови на одноразовый диск прозрачного цвета. Внезапно на мониторе его компьютера появилась моя фотография, которая была сделана днем ранее. Накануне перед Церемонией Отсеивания все её участники проходят медосмотр в фельдшерском пункте, где измеряют рост и вес, и фотографируются для личной анкеты.

– Теа Диес, – вдруг произнёс моё имя медик внезапно охрипшим голосом, отчего моё сердце сразу же остановилось в рывке. – Восемнадцать лет и двадцать один день со дня рождения. Рост метр семьдесят два, вес шестьдесят два килограмма, брюнетка, цвет глаз голубой. Гхм... Пятикровка, – нахмурившись, добавил мужчина.

В пространстве повисла давящая тишина. Кажется, я умерла на месте. Округлив глаза, я мысленно кричала на медика о том, что это невозможно, так как я девушка, а девушек пятикровок не существует! Однако он не спешил произнести: “Прошу подняться на сцену”, что всё еще подогревало во мне надежду на изменение результатов теста.

– Руку, – вдруг повторно попросил медик, и я снова протянула свою уже окоченевшую ладонь, вложив её в облаченную в латексную перчатку руку медика. Он протер мой пострадавший палец проспиртованным куском стерильной ваты и снова проколол его, в чем не было абсолютно никакой необходимости, так как из предыдущего прокола кровь всё еще хлестала

бурным потоком. Снова опустив образец моей крови на новый одноразовый диск, он посмотрел на монитор, на котором сиюсекундно повторно высветилась моя анкета.

– Теа Диес, – снова повторил озадаченным голосом медик. – Восемнадцать лет и двадцать один день со дня рождения. Рост метр семьдесят два, вес шестьдесят два килограмма, брюнетка, цвет глаз голубой. Пятикровка.

Кажется, все присутствующие замерли в попытке поразить меня молнией, чтобы облегчить мою участь. Неожиданно медик схватил меня за правое запястье, после чего воткнул огромную железную иглу глубоко в моё предплечье и, не самым безболезненным способом, выкачал из моей вены целых пять миллилитров крови. Вслушиваясь в гнетущую тишину, повисшую в зале, я пыталась не скончаться от испуга на месте. Через несколько секунд после взятия крови из моей вены и её анализа, медик вновь посмотрел на меня, строго нахмутив лоб:

– Венерическими заболеваниями не страдает.

После этих слов он резким движением медицинского лезвия срезал с моего правого запястья резиновый напульсник красного цвета, на котором черными буквами была выдавлена надпись “Заражена”.

– Прошу подняться на сцену.

Глава 3.

С бешеным стуком сердца, отдающим наковальней в ушах, я медленно поднялась на сцену, случайно встретившись с ошарашенным взглядом одного из ликторов, стоящих возле лестницы. Вовремя вспомнив, что мне необходимо встать с правой стороны от Платины, я остановилась в пяти шагах от безучастного Металла, тщетно стараясь восстановить своё сбившееся от страха дыхание. Передо мной всё плыло – удивленные лица пятикровок и Чистых, возмущенное лицо Ртути, скрещенные на груди руки Платины... Пока я старалась осознать, что именно только что произошло, Церемония продолжала двигаться вперед. Испуганные подобным поворотом событий, девушки резко побледнели – одна из них даже упала в обморок сразу после укола в палец. Ликторам снова пришлось попотеть – на сей раз, чтобы перетащить обомлевшую девицу в толпу Чистых.

Мои конечности с каждой минутой холодели всё сильнее, и мне всерьёз начало казаться, будто в помещении не плюс двадцать, а все минус десять. Что именно должно было происходить с пятикровками дальше – никто из присутствующих не знал, что, как по мне, пугало еще больше, чем если бы мы наверняка знали о том, что в ближайшие сутки нас определенно точно вздернут на виселице.

Пока я блуждала в своём затуманившемся подсознании, доктор вышел из-за своего стола, покрытого стерильной белоснежной скатертью, и объявил о том, что Церемония Отсеивания в Кантоне-А официально закончена, и Чистые могут быть свободны. Когда входная дверь распахнулась, и толпа молодых людей ринулась наружу, я вздрогнула, вспомнив о том, что через дорогу от здания Администрации сейчас стоит и ожидает меня Эльфрик, с куропаткой в вещевом мешке за плечом, которую мы хотели обменять сегодня на яблочный пирог...

Мои родители погибли от эпидемии холеры, когда мне было пять лет, но я до сих пор ясно помню каждого из них. Моя мама была голубоглазой блондинкой с каре в виде шара и с милой, широкой улыбкой. Отец же был высоким брюнетом с красивой россыпью мимических морщинок вокруг сияющих, темно-синих глаз. Еще в раннем детстве я поняла, как сильно я на него похожа.

Во время разбушевавшейся эпидемии тела погибших вывозили за пределы Кантона и сжигали в общем костре, но об этом я узнала лишь спустя несколько лет, когда однажды поинтересовалась у Эльфрика, почему у моих родителей нет могилы. В моей детской памяти настолько мощно запечатлился жуткий запах горелой плоти, стоявший тогда над Кантоном несколько недель кряду, что я до сих пор вспоминаю о днях той эпидемии с дрожью, хотя в том возрасте совершенно и не понимала, что именно происходит.

Эльфрик был младшим братом моего отца. Он был высоким брюнетом с голубыми глазами и такой же россыпью тонких мимических морщинок у глаз, которыми прежде мог похвастаться только мой отец. А еще у него была невероятно добрая улыбка. На момент смерти моих родителей Эльфрику едва исполнилось восемнадцать лет, и больше родственников у меня не было. Да и Эльфрика я толком не знала. Он жил отдельно от нас, в бараке стекольного завода, на котором с тринадцати лет работал подмастерьем и уже в пятнадцать умудрился заполучить должность стеклодува.

До сих пор помню, как познакомилась с ним. На следующий день после того, как родителей отправили в карантинный лазарет, Эльфрик пришел к нам домой и накормил меня подгоревшей пшенной кашей. На вкус она оказалась просто ужасной, но я была настолько голодна, что съела её всю до последнего зернышка.

Перед восемнадцатилетним парнем встал выбор: взять опеку над хилой девчонкой, которая может откинуться в ближайшую зиму от морозов или в последующую весну от голода, либо

отдать ребенка в приют, в котором его шансы на выживание до совершеннолетия клонились к нулевой отметке. В случае опекуинства Эльфрик автоматически становился владельцем отцовского дома, но терял место в бараке и лучшую во всем Кантоне работу, так как на стекольном заводе могли работать только те люди, у которых не имеется никакой частной собственности, и которые нуждаются в крыше над головой, коей являлся барак. Положение было практически безвыходным, и любой бы на месте Эльфрика отдал обузу в переполненный приют на верную смерть, оставив за собой отличное рабочее место, неплохую зарплату и перспективы на безоблачную жизнь, насколько она в принципе могла быть безоблачной в Кантоне-А. Но Эльфрик так не поступил. Он отказался от одного из лучших рабочих мест в Кантоне, приличного заработка и ежемесячного пайка лишь для того, чтобы попытаться меня выводить. Я прекрасно помню себя в тот период своей жизни – доходяга на двух тонких ножках, которые еле передвигались, заплетаясь между собой при ходьбе. На пороге стояла зима, которая наверняка прикончила бы меня, даже если бы мои родители были бы живы, но Эльфрик умудрился выторговать для меня право на жизнь. Он поставил всё на моё выживание – обратной дороги на завод не существовало, а приличного заработка во всем Кантоне больше было не найти. Ему предстояло не только бороться за мою жизнь – ему предстояло бороться и за свою, так как желудки одинаково урчали у нас обоих и мерзли мы почти с одинаковой скоростью.

Та зима была самой тяжелой на моей памяти. Я, в виде скрученного комка, круглосуточно лежала на диване, лишь по вечерам выбираясь из-под старых овечьих шуб родителей, чтобы расположиться напротив камина, который Эльфрик топил только с наступлением сумерек – для того, чтобы приготовить ужин. У меня не было сил на лишние телодвижения, поэтому я передвигалась на четвереньках и постоянно мерзла, каждый день проводя в ожидании возвращения своего дяди. Эльфрик уходил ранним утром и возвращался поздним вечером, когда за окном еще и уже было темно. Перед уходом и после возвращения он кормил меня подобием бульона, оставляя мне на обед пару кусков черствого хлеба с холодной водой или, если повезет, с молоком. Помню, как однажды он принес упаковку свежих пряников, сказав, что выменял их у булочника за что-то “ненужное”. В течение следующей недели каждый вечер я съедала ровно по одному прянику, а Эльфрик уверял меня в том, что не хочет попробовать.

Я чудом пережила ту страшную, темную зиму, кутаясь по ночам в овечьих шкурах под мышкой у Эльфрика. Когда же наступила весна и солнце начало пригревать первыми теплыми лучами, мои шансы на выживание постепенно начали возрастать.

Следующие пять лет Эльфрик подрабатывал грузчиком песка, ежедневно перетаскивая полторы сотни мешков на своей спине и едва ли зарабатывая на то, чтобы хоть как-то прокормить одновременно двоих человек. В Кантоне-А детей принимают на работу только с тринадцати лет, так что в ближайшие годы нам не светило никаких заработков с моей стороны, из-за чего Эльфрику пришлось выкручиваться в одиночку.

Когда мне исполнилось десять лет, он приступил к рытью тоннеля. План был ровно настолько гениален, насколько опасен. Тоннель должен был проходить под стеной, расположенной сразу за нашей хижинкой и являющейся границей Кантона-А, и выходить прямо в лес. Один километр тоннеля нам удалось вырыть за пятьсот девяносто ночей, так как зимой работа стояла из-за морозов невероятной силы, глубоко пронзающих и сковывающих землю. К рытью тоннеля Эльфрик готовился около полугода, учитывая такие факторы как обход грунтовых вод, расположение леса за стеной, глубину и ширину стен тоннеля, чтобы со временем они не обрушились. Нам сильно помогла топографическая карта Кантона-А и прилегающей к нему территории, которую Эльфрик украл у одного из ликторов, что, как и рытье тоннеля, могло стоить ему жизни. Однако нам приходилось сталкиваться и с непредвиденными факторами, такими как вездесущие корни деревьев, которые редко с легкостью соглашались поддаваться тупой лопате.

Пока Эльфрик орудовал лопатой, я занималась переноской земли. Некоторое количество земли мы решили закинуть на крышу, так как это позволяло неплохо утеплиться к зиме, и Эльфрик задумывал попробовать обустроить там сезонную теплицу. Остальную же землю мы равномерно распределяли вокруг дома и на размытой дороге, утопающей в глубоких лужах.

Тоннель был готов в середине октября. Как раз вовремя – накануне Эльфрик лишился работы, а первые заморозки уже давали о себе знать. К окончанию работы над тоннелем у нас не было ни денег для покупки пищи, ни торфа для растопки камина, ни теплой обуви, которая окончательно изнашивалась за предыдущие сезоны. Если бы не вовремя вырытый лаз, та зима могла бы стать для нас последней.

Помню вечер, когда Эльфрик впервые вернулся из леса. Он спустился в тоннель перед рассветом и очутился дома лишь с наступлением сумерек. К тому времени я давно вернулась из школы и уже пять часов как сидела на старом табурете напротив кладовой, страшась того, что Эльфрик вообще никогда не вернется. Позже, с каждым днем я всё меньше боялась бесследного исчезновения своего опекуна, постепенно привыкая к его регулярному отсутствию, но самое первое ожидание было настолько невыносимым, что становилось даже жутким.

Вход в тоннель был отлично замаскирован – Эльфрик вырыл его в подвале, расположенном в кладовой перед ванной комнатой. Найти этот подвал было нереально – вход в него был полом в небольшом кладовом шкафу, но даже если бы кто-то случайно узнал о нем, всё равно не смог бы попасть в тоннель, так как в погребе ничего кроме земляного покрытия не было. Эльфрик сделал плотные земляные крышки с обеих сторон тоннеля, которые невозможно было распознать, если только не знаешь о их существовании. Крышка в погребе была цельной с землей вокруг нее, а на лесной крышке рос полноценный куст можжевельника. Эльфрику пришлось в буквальном смысле стать мастером камуфляжа, ведь от этого зависели наши жизни.

Впервые ему удалось принести из леса добычу только на третий день. Когда Эльфрик положил передо мной куропатку, я неожиданно остро осознала, что наша жизнь изменилась.

Первое время Эльфрику редко везло – он лишь сутки через трое возвращался с мелкой добычей, так как совершенно не обладал опытом в охотничьем деле. Однако к весне он успел поднаться – зимой ему было легче выследить дичь по следам. Нам больше не приходилось тратить на торф для топки камина – Эльфрик ежедневно притаскивал из леса несколько охапок веток, паракни или бревен, которые перевязывал бечевкой или тащил за собой по тоннелю в брезентовом мешке. Когда же он раздобыл неплохое ружье с несколькими обоймами гильз и присобачил к нему самодельный глушитель из масляного фильтра, наша жизнь стала еще более сытной. Острое зрение Эльфрика сделало его отличным стрелком и с конца января мы не только могли себе позволить ежедневно питаться мясом, но и начали приторговывать им. Ликторам было наплевать на происхождение мяса и где мы его достаем, как и на продажу подержанного оружия стариком-трубочистом или проституцию в женских бараках, так как из всего этого они сами умело извлекали пользу. Фактически, мы стали браконьерами, на деятельность которых, из-за жгучего бурления поджелудочных соков, всем было откровенно наплевать. Естественно мы старались меньше светиться, однако вскоре весь Кантон знал, у кого и по какой цене можно выменять свежатину. Мы же, естественно, извлекали пользу не только из мяса, но и из шкур, и меха. Эльфрик умело шил сапоги, а Дельфина обучила меня шить варежки и шапки, которые, как и необработанные шкуры, с наступлением холодов расходились словно горячие пирожки.

Дельфина жила в ветхом деревянном домишке вверх по улице. Высокая, стройная, хотя и костлявая, с зелеными глазами и красивыми дымчато-каштановыми, сильно выющимися волосами длиной до плеч – она была весьма красивой девушкой. Когда-то у нее была большая семья из семнадцати человек, и все они благополучно ютились в дряхлой хижине, но четыре года назад эпидемия острого кишечного гриппа выкосила почти всё её семейство. Она, её млад-

шая сестра и годовалая племянница чудом сумели перебороть болезнь, однако потерять сразу четырнадцать родственников – это боль невероятных размеров, глубину которой я даже не могу себе представить.

Эльфрик ухаживал за Дельфиной, предоставляя девушке свою опеку, чем спасал её от нападков агрессивных мужчин. В Кантоне-А инциденты насилия над женщинами, из-за регулярно отсутствующих доказательств, не рассматриваются как преступления, так что у женского пола зачастую остается всего два варианта на неприкасаемость: найти себе альфа-самца, с которым другие мужчины будут бояться вступать в конфликт, либо обзавестись алым напульсником с надписью “Заражена” на запястье. Такой напульсник был гарантией того, что тебя не тронут, если дорожат своей жизнью. Люди, обладающие подобным опознавательным знаком, открыто заявляют о том, что заражены смертельным вирусом, передающимся через кровь и половым путем. Этот напульсник невозможно снять с руки другого человека и напялить на свою, так как его буквально сплавляют на запястье больного. Вывод: либо ты действительно заражена и тебя не тронет ни один козёл из подворотни, либо ты хитроумная задница со связями в фельдшерском пункте. Я – второй вариант. Дельфина была управляющей в фельдшерском пункте и одновременно единственной медсестрой на весь Кантон-А, пока не взяла к себе в подмастерья четырнадцатилетнюю Олуэн – свою младшую сестру и, по совместительству, няню их пятилетней племянницы Лии. Вот такая вот семейная пирамидка счастья. И так как Эльфрик активно поддерживал эту пирамидку дарами леса и своей опекой, договориться с Дельфиной о браслете не составило никакого труда. Подобным браслетом она, в своё время, наделила и себя с Олуэн, вот только уже все были в курсе того, что Дельфина не больна, потому как от заболевания “красного браслета” умирают в течение пяти лет, а она всё еще жива и даже не чахнет. Все мужчины Кантона посматривали на Дельфину косо, однако, прекрасно зная способности и возможности Эльфрика, старательно обходили и её, и Олуэн стороной. Всем хотелось иметь в союзниках “мясника” и никто не хотел видеть в его лице противника, потому как Эльфрик действительно являлся опасным врагом, имея в списках своих знакомых немало ликторов и глав администрации, любящих пожить свежатиной.

Однако, несмотря на трепетные отношения, Эльфрик с Дельфиной не переходили рамки натянутой за уши дружбы. На данный момент Эльфрику был тридцать один год, а Дельфине двадцать пять, и я прекрасно понимала, что отговорка Эльфрика по поводу того, что он до сих пор не живет с Дельфиной лишь из-за “разницы в возрасте” – бред. Так как доступных средств контрацепции в Кантоне-А не имелось, а Эльфрик не хотел обзаводиться семьей, которая в любой момент может умереть от очередной эпидемии, холодной зимы или голода, он с Дельфиной оставались лишь друзьями, томно смотрящими друг другу в спины.

Большинство женщин в Кантоне-А были либо многодетными, рожающими по десять-четырнадцать детей подряд, либо своевременно стерилизованными. Стерилизация женщин была официально разрешена до тех пор, пока последняя эпидемия не выкосила двадцать шесть процентов населения нашего Кантона, и не возник вопрос с возобновлением рабочей силы. Многие девушки делали стерилизацию в раннем возрасте, чтобы встать на тропу проституции с уверенностью в отсутствии нежелательной беременности или для того, чтобы избежать возможной беременности от вероятного изнасилования, однако даже подобные мелкие операции имели летальные исходы в условиях нашего Кантона. Многие женщины впоследствии жалели о принятом ими в свое время решении, так что данный вид “обезопасивания” нельзя было воспринимать как панацею.

К первому лету после вырытого тоннеля мы с Эльфриком организовали на крыше нашего дома теплицу, в которой начали выращивать помидоры. Из-за дефицита овощей, семена пришлось покупать поштучно и, в итоге, пятьдесят семян обошлись нам в пять кило мяса. К осени мы могли себе позволить объедаться помидорами до тех пор, пока однажды утром не обнару-

жили теплицу разоренной. Нас безжалостно обчистили, распоров дорогостоящую полиэтиленовую пленку надвое. На следующий год мы решили не повторять своей ошибки и, в итоге, забросили это дело. Всё равно регулярного присмотра за овощами организовать мы физически не могли, отчего они зачастую оставались незащищенными от местных воришек. В конце апреля мы продали ржавый каркас теплицы соседскому мальчишке, который был более воинственно настроен к вопросу воровства, нежели мы. Впоследствии у парня неплохо наладилось производство огурцов, благодаря чему он умудрился спасти от голода своих больных родителей и младшего брата.

Первое время Эльфрик отказывался брать меня с собой в лес, ссылаясь на мой возраст или необходимость караула в доме, однако уже спустя полгода, после того как я окончила школу и мне исполнилось тринадцать, он, на фоне того, что я не могла шататься по городу без дела, сдался. Но всё же основной причиной его согласия взять меня с собой в лес был выданный мной аргумент о том, что в случае его преждевременной смерти я останусь одна, без навыков добычи пропитания.

Моя первая вылазка состоялась в день моего рождения – десятого июня. Помню, как ползла по широкому тоннелю, стены и потолок которого для Эльфрика были почти впритык, и как замерла, внезапно очутившись посреди густой зелени. Я словно оказалась в параллельной вселенной. В нашем Кантоне практически не было растений, за исключением немногочисленной, вытоптанной у обочин дорог сорной травы и крон деревьев, торчащих из-за стены, очерчивающей границы нашего Кантона. До дня вылазки в лес я даже не подозревала о том, что за стеной моего дома существует невероятный мир, пышущий зеленью и пахнущий свежестью. До этого моим единственным миром был мир, утопающий в грязи и разящий помоями вперемишку с гнилью.

День моего знакомства с нетронутой природой стал самым ярким днём во всей моей жизни.

В течение следующих пяти лет мы сделали большой отрезок работы за стеной: углубившись в лес, мы организовали несколько шалашей в разных его точках, выкопали одну землянку и проложили собственный троллей общей длиной в шестьсот двадцать метров (на стальной трос нам пришлось зарабатывать три месяца, кормя охранника склада отборным мясом). На сооружение троллея мы потратили почти год – у нас возникали заминки с креплением, сооружением площадок, системой торможения и вырубкой ветвей, царапающих лицо во время спуска. Однако сделанная работа того стоила.

В итоге мир по ту сторону стены стал для меня отдушиной, в которой хотелось застрять навсегда. Мир же по эту сторону стены превратился в пугающую неизбежность. Мы с Эльфриком могли себе позволить проводить летние ночи в лесу, но не более того. Естественно у нас закрадывалась мысль навсегда уйти глубоко в лес, но здравый смысл позволял нам разумно оценить наши шансы на выживание. Жаркие летние месяцы, с температурой выше тридцати градусов, выкурили бы нас обратно в Кантон лесными пожарами. Если не летняя жара, тогда обязательно сорокаградусные январские морозы. Никто не отменял ядовитых змей и огромных гризли, на которых мы пару раз натыкались (в подобных ситуациях умение лазать по деревьям и маскироваться ни разу нас не подводило). Так что если мы и могли выжить в лесу, тогда от силы полгода, и-то с учетом наличия огромного багажа везения, которого, судя по тому, что сейчас я стояла в компании неудачников между двумя Металлами, у меня не было. Единственное, в чем я могла сейчас не сомневаться – это то, что в ближайшем будущем моя жизнь может резко оборваться, так как с этого момента я официально считалась пропавшей без вести.

Глава 4.

– Сдохнет в первой десятке, – раздался голос Ртути, прошедшей мимо меня к Платине.

– Самой первой, – холодно отозвался на замечание блондинки Платина, и я сразу же отстранилась, сделав вид, будто ничего не услышала.

Я и четверо парней пятикровок последовали за Металлами. Спустившись за ними со сцены, мы, под охраной ликторов, чрезмерно косящихся в мою сторону, вышли из здания Администрации через черный ход. Прежде я никогда не была внутри этого здания, но даже рассматривание любопытной гипсовой лепнины не помогло мне отвлечься от мысли о том, что мне не дали попрощаться с Эльфриком. Сначала я хотела попросить о подобной возможности, однако вскоре одумалась, решив, что лишний раз упоминать о своем единственном родственнике – не лучшая идея для той, кто хочет оградить родного человека от опасности.

У выхода нас уже ожидал грузовой автомобиль, прицеп которого был покрыт темно-зеленым брезентом. Тот факт, что грузовик был оборудован для перевозки людей, меня немного напряг. В Кантоне-А кроме десятка старых грузовиков-перевозчиков песка не было ни единой машины, так что видеть подобное транспортное средство для меня было в новинку.

Последовав примеру Металлов, парни-пятикровки начали залезать в прицеп. Один из ликторов уже подошел ко мне, чтобы помочь мне подпрыгнуть, но я справилась с этим прежде, чем меня успели бы унизить. Сев на подвесную лавку, я оказалась напротив тощего парня-пятикровки с огромными карими глазами, возраст которого равнялся двадцати годам, если я не ошибалась, вспоминая его озвученную анкету. Справа от него сидел двадцатидвухлетний коренастый голубоглазый блондин, который на фоне своего соседа выглядел весьма выгодно. Справа же от меня расположился парень по имени Фокас. Ему было двадцать лет, и он был слишком долговязым. Сразу за Фокасом сидел Нереус – парень, часто торговавший ворованной солью. Однажды Нереуса застали с поличным при выносе мешков с солью из продовольственного склада ликторов, после чего он был подвержен публичной порке, из-за чего в “А” его знала едва ли не каждая дворняга.

Платина и Ртуть сидели друг напротив друга, в самом конце прицепа, и не источали ни малейшего намека на дружелюбие. Неожиданно парень, сидящий напротив меня, бросил взгляд на Ртуть и заговорил дрожащим голосом:

– Софос. Меня зовут Софос. Куда нас везут? Я не хочу никуда ехать... Я не хочу!

– Заткнись, – холодным тоном отозвался Платина, и парень мгновенно замолчал, неожиданно перейдя на приглушенные всхлипы. Не желая наблюдать за психологической ломкой парня, я перевела взгляд на свои сцепленные ладони, лежащие на коленях.

О Металлах обычные люди знали немного, и-то благодаря немногочисленным телевизорам, которых на весь Кантон наберется не больше сотни. Лично я знала лишь то, что они были эталоном человека-воина и красоты в одном флаконе. Их же роль в обществе все представляли смутно, так как не до конца понимали, почему эти люди являются любимчиками Кар-Хара и с чем именно связана их популярность.

Как только мы выехали из-за здания Администрации, я увидела Эльфрика, стоящего у фонарного столба. Он тоже меня заметил. Я поняла это потому, что он сразу же сделал несколько шагов вслед за нашей машиной, однако я вовремя неодобрительно покачала головой. Эльфрик резко остановился, словно у него защемило сердце, и с его правого плеча спал вещевой мешок, который он по инерции подхватил предплечьем. Его широко распахнутые голубые глаза и слегка приоткрытый рот, искаженный от осознания безысходности, застыли в моем подсознании огромной глыбой боли. Прежде я никогда не видела Эльфрика в столь

подавленно-растерянном состоянии, отчего моё сердце в одно мгновение сжалось в маленький болезненный шарик.

Нас довезли до северной границы Кантона, но я поняла это лишь после того, как мы выехали за её пределы. Когда же ворота за нами начали закрываться, я неожиданно осознала, что нас только что выкинули из “А”. Страх с новой силой начал накатывать на моё подсознание, чему неблагоприятно способствовали всхлипы сидящего напротив меня Софоса.

Спустя несколько минут наш грузовик начал на что-то подниматься и, судя по закрывшемуся за нами подъемнику, мы въехали в какое-то железное помещение. Лишь выпрыгнув наружу по первой команде Ртути, я, наконец, смогла оценить обстановку. Мы были внутри чего-то очень большого и, пожалуй, даже внушающего страх. Вокруг нас копошилось несколько странных людей в одинаковой форме – они зачем-то проверяли крепление к полу привезшего нас грузовика. Уже спустя минуту, из слов Ртути предназначенных для Платины, я поняла, что мы находимся внутри шаттла и до нашего взлёта остаётся не более пяти минут.

Металлы завели нас в длинную комнату, по двум сторонам которой расположились ряды из матовых кресел бело-серого цвета. Когда мы расселись по местам, Ртуть проинструктировала севшего рядом с ней вора соли о том, как именно нужно пристегивать ремень. Выслушав инструкцию презрительно морщащейся блондинки, Нереус без проблем разобрался в простецкой конструкции ремня и пристегнулся, после чего остальные последовали его примеру. Примерно спустя минуту, над нашими головами загорелись красные лампочки с надписью “ВЗЛЁТ”, а когда спустя пять минут они погасли, Ртуть приказала нам отстегнуться и проследовать за ней.

Мы шли по длинному коридору с непонятными для меня опознавательными знаками в виде линий, стрелок и кругов, пока не остановились напротив огромной, полупрозрачной матовой двери.

– Выберите себе капсулу и не вылезайте из нее, пока вас не попросят, – холодно произнесла Ртуть, после чего оставила нас напротив двери и отправилась за удалившимся Платиной. Мы переглянулись, и голубоглазый блондин открыл загадочную дверь. За дверью оказался широкий коридор, с двух сторон которого, сплошными двухъярусными рядами, располагались огромные закрытые капсулы со стеклянными дверцами. Эти капсулы напоминали мне соты диких пчел, чьим мёдом мы с Эльфриком любили поживиться в начале лета. Капсулы были пронумерованы от единицы до шестидесяти. Дойдя до конца коридора, мы остановились, не зная, что делать дальше.

– Будут и другие пятикровки, – начал коренастый блондин. – И мы не имеем понятия, хорошо это или плохо. Для начала предлагаю держаться особняком, а дальше как пойдет.

– Согласна, – отозвалась я, заставив блондина приподнять бровь.

– Предлагаю запомнить друг друга, что будет несложно, – продолжал он. – Меня зовут Зефир, мне двадцать один и я единственный блондин среди нас. Теа – восемнадцать лет, единственная девчонка. Софос – двадцать лет, плакса. Фокас – двадцать лет, долговязый. Нереус – двадцать два года, воровщик соли.

– У тебя отличная память, – скрестив руки на груди, нахмурился Нереус.

– Для того, чтобы запомнить сумасшедшего, укравшего одной ходкой сразу десять кило соли, не нужна феноменальная память.

– Ладно, как это работает, – встрял долговязый Фокас, в этот момент пытавшийся понять, как именно открывается одна из капсул. Подойдя впритык к верхней капсуле под номером двадцать девять, я нажала на зеленую кнопку, расположенную слева от нее, и стекло сразу же поднялось куда-то вверх.

– Что ж, не думаю, что конструкция здесь сложная, – отозвалась я и, сняв дырявые кроссовки, чтобы установить их во внутренний карман капсулы, на котором была нарисована обувь,

ловко запрыгнула наверх. Остальные последовали моему примеру, после чего начали закрываться в своих капсулах. Плакса Софос оказался в капсуле напротив меня и еще минуту провозился со шнурками на ботинках, прежде чем наконец смог закрыться.

Изнутри капсула была обита бежевым войлоком, а подо мной оказались белая подушка с простыней, покрывающей относительно мягкий матрас (после пола, на котором я проспала всю свою жизнь, этот матрас действительно мог показаться мягким). Глядя в белоснежный потолок, я всерьез переживала о том, хватит ли мне воздуха в столь подозрительном замкнутом пространстве, так как единственным его источником была сомнительно миниатюрная вентиляционная отдушина в потолке.

Заснуть не получалось. Ежечасно над моей головой зажигалась лампочка с просьбой пристегнуть ремни, что означало, что мы либо делаем посадку, либо взлетаем. Так и не найдя призрачный ремень, я решила игнорировать назойливую лампу, тайком наблюдая за молодыми людьми, прибывающими каждые два часа. Всего Кантонов было десять, что означало, что мы посещаем каждый Кантон по алфавитному порядку. Если мои доводы были верны, тогда уже на Кантоне-Е мест в нашем коридоре не осталось и пятерым парням не хватило капсул. Спустя несколько минут Ргуть вывела их за входную дверь, после чего больше людей к нам не поступало.

И всё-таки, я заснула, начав дремать примерно на Кантоне-Е, что означало, что я в итоге проспала около восьми часов. Я проснулась от железного женского голоса, звучащего откуда-то сверху и требовавшего всех пятикровок и тэйсинтаев выйти в коридор. После того, как моя стеклянная дверца автоматически поднялась, я схватила свои кроссовки и спрыгнула со второго этажа, совершенно забыв о ступеньках. Мои новые знакомые из Кантона-А тоже вылезали из своих капсул и уже вскоре стояли рядом со мной, что придавало мне уверенности. Знание того, что у тебя есть поддержка, даже несмотря на то, что она весьма сомнительна, всё-таки может сделать тебя немногим увереннее в себе.

Так как моя капсула была в самом конце коридора, я оказалась в хвосте очереди, медленно продвигающейся вперед. Только у выхода мне стало ясно, что причиной задержки является клейменная женщина, надевающая на запястья выходящих плетеные браслеты из кожи и застегивая их миниатюрным ключом.

Людам, совершившим одно из непростительных преступлений, например, убийство ликтора или умышленный поджог, на плече ставили клеймо в виде перечеркнутой буквы Кантона, из которого преступник был родом, после чего человек автоматически становился рабом. Судя по клейму на плече женщины, закрепляющей браслет на моем запястье, она была родом из Кантона-С.

Наша колонна следовала за кем-то, кого я не видела, но я была почти уверена в том, что мы идем за Металлами. Спустя некоторое время мы ускорили шаг и уже вскоре, на полном ходу, выбегали из шаттла по крутому спуску в виде широкого металлического моста. Как только все оказались снаружи, оставшийся за нашими спинами мост был поднят и шаттл укатился, словно поезд, вглубь тоннеля. Осмотревшись вокруг, я сделала вывод, что мы находимся на чем-то вроде перрона, только это едва ли могло быть правдой, так как он был стерильно чист, как для места прибытия пассажиров – под ногами блестела белоснежная плитка, а стены были матово-синими, словно усыпанными миллионом звезд. По крайней мере, именно так я воспринимала мелкие лампочки, глядя на которые у меня слегка резало глаза. Наверное, это потому, что с освещением при помощи электричества я была мало знакома.

Спустя некоторое время я наконец смогла рассмотреть того, кто вывел нас из шаттла. Это были не Металлы, которых теперь вообще нигде не наблюдалось, – это была лысая женщина. Она поднялась на овальный пьедестал в конце зала, автоматически став доступной для всеобщего обозрения, после чего резко выкрикнула:

– Всем молчать!

Гудящая толпа недоумевающих людей резко смолкла, приковав свои взволнованные взгляды к обращающейся.

– Меня зовут Скарлетт. С этого момента я ваш инструктор, король и шанс на выживание. Будьте внимательны к моим словам и будете жить.

– Значит, шансы выжить всё-таки есть, – с облегчением выдохнул шёпот стоящий рядом со мной Зефир.

Скарлетт выделялась не только своей блестящей лысиной, но и широким шрамом, проходящем вдоль всей её левой руки от запястья до плеча. Её лицо было округлой формы, так что лысина ей вполне шла. По её бровям можно было судить, что от природы она была брюнеткой. Стальной голос, присущий лишь солдатам, и холодные черные глаза, предупреждали опасаться её, так что уже сейчас не возникало сомнений в том, что с нами у нее проблем не возникнет – скорее у нас с ней. На девушке был коричневый кожаный костюм из обтягивающих рваных штанов и короткой безрукавки, оголяющей её упругий торс, украшенный парой белых рубцов, а на ногах грубо сидели шипованные ботинки. Выглядела она весьма внушительно и, насколько я могла судить, ей было немногим больше тридцати лет.

– Прочистите уши, если хотите узнать, зачем вас сюда доставили, что вас ожидает и как из всего этого выкарабкаться живым, – тоном диктатора произнесла Скарлетт, и я отчётливо поняла, что игра началась.

Глава 5.

– Люди, обладающие пятой группой крови, имеют ген, предрасположенный к мутации, – начала стальным тоном Скарлетт. – Активировавший этот ген становится определенным Металлом. Нам уже известны представители “чистых” Металлов – это Платина, Золото, Барий и Радий. Чистыми Металлами считаются субъекты, чей ген активировался в организме самостоятельно. Также есть “искусственные” Металлы, такие как Ртуть, Свинец и Франций. Искусственными Металлами считаются носители чужого гена, который успешно вжился во время переливания пятой группы крови в организм обычного тэйсинтая. Надеюсь, исходя из этого, вы осознаете, что не любой пятикровка имеет шанс стать Металлом и любой тэйсинтай может попытаться удачу. В плане обращения в Металл пятикровки стоят лишь на ступень выше тэйсинтаев, пока не лишатся собственной крови – её могут перелить в любого из тэйсинтаев. Иными словами: Металлы – это мутанты, пятикровки – это имеющие предрасположенность к мутации, а тэйсинтай – те, кому может посчастливиться заполучить мутирующий ген. Если хотите обеспечить себе хорошую жизнь, советую обратиться в Металл, но если это не ваше предназначение, просто попытайтесь вгрызться в свою жизнь посильнее, так как отныне она у всех вас висит на волоске. Что ж, раз с этим разобрались, продолжим. У вас на запястьях висят кожаные браслеты, которые идентифицируют вас на две группы: пятикровки и тэйсинтай. У пятикровок браслеты черного цвета, у тэйсинтаев – коричневого. Черные, займите правую часть перрона от меня, коричневые – левую.

После этих слов все зашевелились, переходя с левой стороны перрона на правую и наоборот. Когда дело было сделано, высокая девушка, стоящая со стороны тэйсинтаев, возмущенно прокричала, обращаясь, по-видимому, ко мне:

– Эй, тебе особое приглашение нужно?! Тэйсинтай по левую сторону перрона – что непонятно?

Всеобщее внимание внезапно сосредоточилось на моей персоне, что могло бы меня смутить, если бы внезапно не подбодрило. Я самоуверенно подняла перед собой правый кулак, доминирующе демонстрируя на своем запястье браслет черного цвета. Увидев это, присутствующие начали громко перешептываться, а незнакомка, прежде пышущая жаром, резко изменилась в лице.

– Этого не может быть, – приглушенно заявила она. – Девушек пятикровок не существует.

– Что ж, – встряла Скарлетт, желая прервать общий гул, – видимо теперь существует одна, и я ей не завидую.

– Отгребет первой, – послышался ехидный смешок за моей спиной, но я решила не обращиваться.

– Место, в котором вы сейчас находитесь, называется Рудником, – продолжила Скарлетт. – Именно здесь закаляются Металлы. Ваша закалка начнется с аукциона, который состоится уже завтра. Иными словами – вас будут продавать.

– Продавать?! – воскликнул мужской голос из-за моей спины.

– В течение следующего месяца вы будете жестоко тренироваться, – не обратив внимания на восклик, продолжала инструктаж Скарлетт. – Вам придется драться между собой. Зачастую бои будут происходить насмерть. В этом году у нас девяносто семь пятикровок и двадцать три тэйсинтая. В сумме – сто двадцать человек. Это на три десятка больше, чем пять лет назад. К концу месяца вас должно остаться ровно пятьдесят. Большинство из вас отсеется из-за летальных исходов, а те немногие, кто останется в живых, но не войдет в заветную пятидесятку, автоматически превратятся в доноров. Хотя не переживайте – даже если вы умрете

в течение следующих тридцати дней, вы всё равно станете донорами. В конце концов, откуда берется кровь пятой группы, которую переливают подопытным тэйсинтям? Если не вошедший в заветную пятидесятку является тэйсинтяем, в него перельют кровь погибшего пятикровки, что в большинстве случаев приводит всё к тому же летальному исходу. Те из вас, кто сумеет выжить до начала августа и войти в пятидесятку, станут участниками Металлического турнира, проходящего один раз в пять лет. И здесь можно было бы вас поздравить, если бы только не хотелось вас пожалеть. Металлический Турнир – это мясорубка с кровью, кишками и мясом. В нем участвуют пятьдесят новобранцев, благополучно прошедших подготовительный период, семь известных Металлов и, в этом году, около двенадцати человек, забытых в Ристалище во время прошлого турнира и умудрившихся до сих пор там выжить. Ристалище – это место проведения Металлического Турнира и ваш страшный сон. Вас поместят в этот блендер на месяц, по истечению которого вам предоставят шанс из него выбраться. Всего таких “шансов” десять, так что обычно из Ристалища возвращается всего три человека.

– Почему три? – вдруг заинтересовалась бледная девушка из толпы тэйсинтяев. – Ведь только что было сказано, что мест десять.

– Считайте, что их три, так как семь из них всегда достаются семи Металлам.

– Выходит, что семьдесят из нас умрут еще до августа, – раздался голос из толпы пятикровок. – И еще сорок семь человек погибнет в Ристалище, если не останется в нем куковать до следующего Турнира. В чем смысл?

– Конкретно для тебя смысл – это выживание, – холодно отрезала Скарлетт. – Для организаторов Металлического Турнира – обретение в ваших лицах идеальных солдат и, конечно же, открытие нового сезона для букмекерских контор. Тотализаторы никто не отменял, а на ваших жизнях и смертях можно много заработать, параллельно состряпав для Дилениума перwokлассного воина, так как каждый гарант мечтает спонсировать того, кто впоследствии может стать Металлом. Кстати о гарантах... Завтра, как я уже говорила, в первой половине дня состоится аукцион. И снова хотелось бы вас поздравить, если бы потом не пришлось жалеть. Вас будут покупать с молотка разношерстные толстосумы. У купленных будет больше шансов на выживание в течение следующего месяца, нежели у тех, кто останется без толкового гаранта. Дело в том, что купивший вас гарант тратится на вашу безопасность во время всего следующего месяца. Он может купить вам всё: одежду, оружие, лекарство и новую почку... За это, в своё время, придется отплатить, однако повторюсь – у тех, кто останется без щедрого гаранта, шансы на выживание автоматически сокращаются. Остальные подробности узнаете по ходу выживания, сейчас же я разведу вас по казармам... И советую вам выспаться перед грядущим весельем.

Казармы оказались страшным сном – обшарпанные стены, скрипучие двухэтажные кровати, проржавевший общий душ и отсыревший бетонный пол. Даже в бараках стекольного завода Кантона-А условия проживания были лучше. Но больше всего и без того гнетущую атмосферу усугубляло полное отсутствие дневного света.

Тэйсинтяев отделили от пятикровок, после чего их распределили по двум соединенным между собой казармам.

Так как я оказалась единственной девушкой пятикровкой, меня забросили в одну казарму с остальными девушками тэйсинтяями. Я вовремя заняла нижнее место у последней кровати слева от входа, так как уже спустя пару минут выяснилось, что не всем хватило спальных мест. Нас заперли в затхлой комнатухе, словно опасных рецидивистов, позволив самостоятельно разбираться между собой в вопросе о том, кому какое место отойдет. Двухэтажных кроватей было всего четыре, что означало, что на девять девушек было всего восемь мест и одной из нас предстояло спать на матрасе, расстеленном справа от входа. Высокая и жилистая девушка по имени Чеб, с русыми волосами, напоминающими сухую солому, и неординарно

сильным голосом, отказывалась соглашаться с тем, что именно ей не досталось желанное место на кровати. Одним резким рывком она сорвала со второго этажа близстоящей кровати мелкую блондинку и властно отшвырнула её на матрас у входной двери. У блондинки, с её низким ростом и хрупкой комплекцией, не было ни единого шанса на победу. Девчонка прекрасно это понимала, так как даже не попыталась проявить своё недовольство.

Когда вопрос с койками устаканился, мы понаходили под своими подушками пронумерованные ключи от шкафчиков, представляющих собой сплошные двери, шириной в полметра и длиной в два. Содержимое шкафов у всех было одинаковым: серая пижама из льна, страшное полотенце огромных размеров, кусок хозяйственного мыла, зубная щетка с пастой и упаковка тампонов. Никакой сменной одежды, даже нижнего белья. Осмотрев общую душевую, расположенную сразу за тонкой стеной, в которую упиралось изголовье моей кровати, я содрогнулась. Казалось, будто ей не пользовались минимум полвека и здесь давно уже поселились неведомые генетикам микроорганизмы. Так как двери между душевой комнатой и казармой не существовало, а проем между ними был достаточно крупных размеров, для меня стало совершенно очевидно, что нам предстоит страдать от сырости и ожидать скорого появления плесени. Туалет был совмещен с душем. На два рядом стоящих, старых унитаза, мне было страшно даже бросить взгляд, не то что присесть.

Не ожидая остальных, я начала раздеваться, чтобы без очереди принять душ, так как в нем было всего шесть мест, и между девушками снова мог разразиться скандал за первенство. Сначала на меня смотрели как на обезумевшую, но как только я стянула с себя лифчик, еще три девушки начали активно снимать штаны. Взяв с собой только мыло, я заперла свой шкаф и отправилась в душ, совершенно не стесняясь своей наготы. Своей раскрепощенностью в этом плане я была обязана общественной бане, в которой, в школьные времена, нам приходилось мыться всем классом ровно один раз в месяц, вплоть до окончания школы.

К моему удивлению, в душе с теплой водой не оказалось проблем, к которым я так привыкла в Кантоне-А, и из ржавой трубы текла почти кристально чистая жидкость. Я с детства ненавидела процесс приема ванной, так как он был трудоемким и заставлял меня изрядно покорячиться, и даже продрогнуть, прежде чем я, наконец, умудрялась вымыться. Однако еще больше я ненавидела ощущение грязи на своем теле. Летом я практически ежедневно купалась в лесном озере, в котором водились косяки огромных карпов, однако с наступлением морозов мне приходилось снова забираться в старую ванную и кряхтеть, стирая с себя слои грязи.

Быстро приняв душ, я забрала с ржавой полки кусок мыла и ключ, и поспешила вернуться обратно в казарму, в итоге потратив на всё чуть больше пяти минут. И хотя я умудрилась вытереться, и напаялить на себя пижаму без последствий, принятие душа положительно закончилось не для всех. Всё та же Чеб выкрала у девушки по имени Ута полотенце, которое та неосмотрительно оставила у себя на кровати. По-видимому, подобным образом Чеб пыталась закрепить за собой главенствующее место в казарме, что у нее, в итоге, удалось. Хотя Ута и оказалась не из робкого десятка, и умело обложила свою оппонентку трехэтажной бранью, Чеб всё равно вышла из скандала победительницей, втоптав полотенце короткостриженной шатенки в грязный пол. Так Чеб утвердила своё главенство на этой территории, и никто не вызвался его оспаривать, не желая навлекать волну непредвиденных последствий на свою голову – у всех сегодня и без того был слишком насыщенный день.

Накрывшись одеялом, я порадовалась тому, что постельное белье оказалось чистым, так как радоваться больше было нечему. Тусклую лампу, горящую посреди казармы, выключили сразу после того, как последняя тройка девушек вышла из душа, однако свет в душевой оставили гореть на всю ночь и неспроста. Я прекрасно понимала, что спать в подобном месте и при таком соседстве – непозволительная роскошь, если не полное безумие. Конечно, я могла похвастаться чутким сном, однако в свою первую ночь, в еще неизвестном мне Руднике, я не

хотела оставлять свою хрупкую жизнь на свою чуткость, которая в любой момент могла меня подвести.

Притворяясь спящей, я думала об Эльфрике. О том, что он сейчас делает и о чем думает. Не знаю почему, но я была уверена в том, что сегодня его мысли принадлежат только мне. Я бы многое отдала в эту минуту лишь за то, чтобы послать своему дяде сообщение с просьбой прекратить мучаться из-за мыслей обо мне. Вся моя надежда была лишь на то, что его поддержит Дельфина, однако я снова и снова ставила себя на место Эльфрика, и с горечью осознавала, что в ближайшее время он, как и я, будет находиться на грани срыва.

Глава 6.

И всё-таки, я немного подремала, прежде чем в дверь нашей казармы изо всех сил врезали чем-то тяжелым и уже знакомый голос Скарлетт прокричал громогласное: “Подъём!”. Быстро переодевшись, мы вылетели в коридор и смешались с толпой парней, текущей в неизвестном направлении. После пятиминутного блуждания по узким, почти неосвещенным коридорам, я всерьез начала чувствовать себя кротом. Одинокие лампы освещения, встречающиеся с разрывом в двадцать-тридцать метров, хотя и обеспечивали только смутную подсветку, зато скрывали в темноте весь ужас обшарпанных стен, вместе с грязью потрескавшейся, ветхой плитки под ногами.

Когда мы вошли в тёмную комнату с высоким потолком и устрашающе бордовыми стенами, едва освещенную тускло-желтым светом, я не сразу поняла, что мы находимся в столовой. Заметив коренастого блондина из Кантона-А, я несколько секунд вспоминала его имя, прежде чем, наконец, решила к нему подсесть.

– Привет, – попыталась быть дружелюбной я, расположившись напротив знакомого.

– Теа? – Моментально вспомнил моё имя парень, отчего мне вдруг стало немного некомфортно.

– Зефир, Теа, – послышались наши имена и на пустующие места перед нами практически одновременно бухнулись плакса Софос, долговязый Фокас и Нереус-воровщик.

– Не хочешь присоединиться к девушкам? – поинтересовался у меня Зефир, посмотрев на группу девиц, сидящих одной группой слева от нас.

– Нет, – сдвинув брови, ответила я, переведя взгляд на двух представительниц слабого пола, которые как и я заняли места с знакомыми парнями. – Не я одна решила отойти от общего стада.

– Согласен с тем, что нам лучше держаться вместе, – кивнул долговязый Фокас, после чего я наконец посмотрела на тарелку, стоящую передо мной. На ней лежало три бруска серого, коричневого и зеленого цветов, отдаленно напоминающие мыло.

– Наш рацион будет весь месяц состоять из подобной лажи? – неуверенно сморщил нос плакса Софос.

– Не хнычь, – выдохнул Зефир, подтянув к себе тарелку. – Ты ведь уже знаешь, что здесь достаточное количество белков, углеводов и прочей хрени, которая не позволит тебе склеить лапы от голода.

– Да, – криво улыбнулся Софос. – Нас ведь растят на убой, верно?

– Откуда вы знаете про рацион и бурду о рассчитанном количестве углеводов? – мгновенно напрыглась я.

– Пообщались с тэйсинтями, – бросил на меня взгляд Зефир. – Ты со своими девицами не общалась?

– В нашем бункере царит не самая дружелюбная обстановка, – отломив кусок серого бруска тупой ложкой, ответила я.

– Значит, тебе будет интересно узнать новости, – ухмыльнулся Нереус-воровщик. – В течение следующего месяца мы будем калечить друг друга и даже убивать, и весь прикол заключается в том, что в этом плане у тэйсинтаев шансов выжить больше.

– Почему? – непонимающе округлила глаза я.

– Потому что Кантон-А – это глухая деревня, – мгновенно отозвался Зефир, после чего глухо ругнулся.

– Как думаешь, почему в Кантоне-А никогда не бывает добровольцев, зато в остальных Кантонах всегда находятся желающие? – тем временем продолжил Нереус. – Оказывается, мы одни не в курсе того, что здесь происходит.

– Откуда тогда в курсе остальные Кантоны? – с подозрением повела бровью я.

– Клейменные, – пожал плечами плакса Софос. – Они отличные разносчики информации, как оказалось. Некоторые клейменные, прибывающие в рабстве, были в Руднике во время прошлых Металлических Турниров, а позже, когда их переводили в Кантоны, они болтали среди местного населения о происходящем здесь.

– Иными словами, тэйсинтай – это готовящиеся всю свою жизнь бойцы. Они изначально в курсе того, на что идут, – отозвался долговязый Фокас.

– У пятикровок нет подобной подготовки, – встрял Зефир. – Хотя не у всех. Некоторые из них готовились “на всякий случай”, в отличие от нас. Тэйсинтай обычно готовятся к Металлическому Турниру, чтобы иметь возможность поступить в элитные войска Дилениума, совершенно не обращая внимания на тот факт, что для этого им придется обойти более сотни соперников. В отличие от тэйсинтаев, пятикровки зачастую являются обычными парнями, всю свою жизнь батрачащими за копейки, чтобы прокормить свою семью, и совершенно не задумывающимися о том, что им когда-нибудь придется схлестнуться в рукопашном бою с подготовленным тэйсинтаем или, чего еще хуже, с Металлом.

– Мы отстойные, – подытожил речь Зефира плакса Софос. – Мы не были к этому готовы даже на один процент.

– Выходит, все наши несчастья от того, что в наш Кантон не забрел ни один клейменный из Рудника, – пожал плечами Нереус-воровщик.

– Рудник – это место, в котором мы сейчас находимся, так? – поморщилась я от безвкусной еды.

– Дилениум делится на Кантоны, – начал возить ложкой по тарелке Зефир, рисуя карту нашей страны. – Столица Дилениума Кар-Хар. Рудник – это, насколько я понимаю, место тренировки потенциальных Металлов, располагающееся где-то в Кар-Харе. Выжившую же пятидесятку перебрасывают в Ристалище. А вот об этом месте я уже абсолютно ничего не знаю, за исключением того, что оттуда, в итоге, живыми выйдет только три человека, не считая семей Металлов.

– Нам крышка, – нахмурился Нереус-воровщик, и все решили промолчать на его замечание, чтобы не соглашаться со столь пессимистичным и, одновременно, реалистичным заключением.

– Что у тебя за компания? – спустя минуту поинтересовался у меня долговязый Фокас, переведя свой взгляд в сторону шумных девушек. – С учетом того, что все они тэйсинтай, предполагаю, что ты живешь бок о бок с опасными личностями.

– Не все из них опасны, – ответила я, кинув взгляд на мелкую блондинку, сидящую у края противоположного стола. – Не понятно, что здесь делает эта коротышка.

– Эта блондиночка? – ухмыльнулся долговязый Фокас.

– Вроде бы её зовут Луна, – сделав глоток воды, ответила я, всё еще надеясь распробовать хотя бы малейший вкус пищи. – Вчера её ушатала та долговязая, по имени Чеб. Она точно не из слабых, и не только по телосложению, но и по темпераменту. Еще знаю коротко стриженную шатенку, сидящую рядом с Луной. Её зовут Ута – она вчера сцепилась с Чеб из-за полотенца, но потерпела неубедительное поражение. Даже не знаю у кого из этих двух характер сквернее, но они определенно отрицательные персонажи.

– Вас ведь всего девять, – заметил плакса Софос. – Лучше изучи всех своих соседей в ближайшее время.

– Значит жестокая Чеб, вредная Ута, тихая Луна и наша Теа... Хммм... – задумчиво выдохнул Зефир. – Интересно, что представляют из себя остальные. Ведь для того, чтобы стать девушкой-тэйсинтаем, нужно чтобы мозг был набекрень.

От словосочетания “наша Теа” мне стало немного не по себе, но одновременно мне было приятно чувствовать себя частью коалиции, а не отщепенцем с окраины.

Глава 7.

После завтрака все отправились за Скарлетт, снова петляя по тускло освещенным коридорам. Перед входом в просторный зал, с бледно-голубой подсветкой от люминесцентных ламп, нас остановила клейменная женщина, та самая, которая ранее крепила на наши запястья кожаные браслеты. Она начала поочередно крепить на каждого входящего алую картонку с серебристыми цифрами, располагая её чуть ниже левой ключицы. После получения карточки все отправлялись на лавку в виде трех широких ступеней, расположенных вдоль всей длины левой стены. Наша компания Кантона-А расположилась с самого дальнего края лавки, обитой жестким шениллом. Мы заняли лучшие места, так как нам удалось получить свои карточки с номерами одними из первых (в столовой мы сидели у ближнего к выходу стола, что позволило нам первыми отправиться за Скарлетт). Облокотившись о стену и поджав правую ногу, я начала изучать прибывающих из коридора: в основном это были крупные парни с внушительной мышечной массой. Некоторые из них были даже слишком прокаченными, что совсем не воодушевляло – на фоне этих гигантов я выглядела обдёртой щепкой.

– Смотри, какая годзилла, – хмыкнул долговязый Фокас, глядя на вошедшего в зал огромного парня, ростом под два метра. Он действительно обладал весьма устрашающей мускулатурой и не менее устрашающей аурой. Я перевела взгляд с “годзиллы” на сидящего на ступеньке надо мной Фокаса и нервно сглотнула.

– Его зовут Бакчос, – прищурившись, глухо произнес Зефир, – он из Кантона-Г.

– Он пятикровка? – поинтересовалась я.

– Нет, тэйсинтай.

– Не удивительно, – встрял Нереус-воровщик, – с такими данными он уже может считать себя победителем, даже если его откажутся спонсировать на протяжении следующего месяца, в чем я сильно сомневаюсь... Не хотелось бы стать его соперником. Уже все в курсе того, что он профессиональный боец и в “G” содержал собственный бойцовский клуб.

– Не хилое достижение для двадцати двух лет, – заметил плакса Софос.

– Нехилым достижением было бы сюда не попасть, – оборвал его Зефир.

– Зачем они идут добровольцами? – не понимала я. – Это ведь самоубийство.

– Кто-то мечтает обратиться в Металл, кто-то желает выжить, чтобы поступить в элитные войска Дилениума, как Скарлетт, – объяснил долговязый Фокас.

– Скарлетт тоже в прошлом участвовала в Металлическом Турнире? – немного удивилась я.

– А ты как думала? – покривил рот Нереус-воровщик.

– Откуда вы столько знаете?

– Слухами земля полнится, – потер ладони Зефир.

– Вот только Кантона-А это не касается, – глубоко вздохнул долговязый Фокас. – Если бы до нас вовремя дошли слухи о том, что здесь происходит, мы хотя бы нож правильно в руках держать научились.

На этом тема была закрыта. Я снова облокотилась спиной о стену, рассматривая устрашающих тэйсинтаев и порой не менее пугающих пятикровок, некоторые из которых походили едва ли ни на диких зверей. Всё больше всматриваясь в страшные лица потенциальных противников, моя надежда на выживание с каждой минутой таяла, словно догорающая свеча внутри моего паникующего подсознания.

– Ты должна быть осторожна, – слегка наклонившись ко мне, вдруг прошептал сквозь зубы Зефир. – Судя по слухам, здесь могут пырнуть во сне или даже во время завтрака. Ты

первая в своем роде девушка пятикровка, так что неудивительно, что многие будут видеть в тебе серьезную опасность.

– Но ведь ни у кого нет холодного оружия...

– Пока нет. После аукциона будет – гаранты позаботятся об этом.

– Попрошу всех заткнуться, – прокричала Скарлетт, остановившись напротив наших лавок и, дав толпе пару секунд, продолжила. – Соответственно с номерами у вас на груди, вы будете по очереди выходить в центр зала и становиться на тумбу, лицом к стеклянной стене. Быстро. Первый – пошел.

Процесс был прост: человек становился на тумбу, освещенную ярко-белым светом, после чего его начинали в буквальном смысле продавать. Над головой “товара” высвечивались возрастающие цифры, обозначающие сумму, за которую его готовы были приобрести. После того, как участник продавался, над ним загорался салатовый свет, и он возвращался обратно на лавку. Если участника отказывались покупать в течение минуты, по её истечении над его головой загорался красный свет, что означало, что участник остался без поддержки гаранта.

Столь бесцеремонная продажа и покупка людей походила на сюжет неправдоподобного и неестественно яркого кошмара, но плакса Софос не переставал повторять себе под нос, что без гаранта у нас нет никаких шансов на выживание, из-за чего уже спустя полчаса я невольно начала желать, чтобы меня кто-нибудь да прикупил.

Первым из Кантона-А на тумбу встал Нереус-воровщик, но его не купили.

– Мне крышка, – криво улыбнулся парень, вернувшись к нам на лавку.

– Не переживай, – неумело попытался подбодрить его плакса Софос, – нам всем крышка.

– Не одного тебя не купили, – добавил долговязый Фокас. – Из тридцати двух участников продано только двенадцать человек.

– И восемь из них девушки, – прищурился Зефир. – Почему покупают девушек, если у них меньше всего шансов выжить среди таких гигантов, как Бакчос?

– При таком раскладе у Теи больше шансов заполучить гаранта, нежели у нас всех вместе взятых, – неудовлетворенно выдавил Нереус-воровщик.

Моим номером был девяностый, так что проверить слова Нереуса мы могли не ранее чем через двадцать минут.

В итоге из Кантона-А никого не купили, а самыми дорогостоящими участниками оказались Бакчос, которого приобрели за пятьсот восемь монет, и жилистый брюнет, проданный за четыреста девяносто две монеты. Самой дорогой девушкой стала Чеб, а самой дешевой мелкая Луна. Все ломали голову над тем, почему даже такую мелочь как Луна купили, а нашего крепкого Зефира решили обделить вниманием, но никто не мог найти ответа на этот вопрос.

– За стеклянной стеной куча народа, – вернувшись с центра комнаты на своё прежнее место, произнес Зефир. – Среди них есть и Металлы.

– Хочешь сказать, что нас могут купить Металлы? – удивленно вздернула брови я.

– Вообще-то, это общеизвестный факт, – ответил Зефир.

– Такое ощущение, будто я нахожусь в бункере, в котором новости – это что-то сверхъестественное и недостижимое. Но зачем Металлам нас покупать, если они тоже являются участниками Турнира?

– Затем, что они могут себе это позволить, – криво улыбнулся Нереус-воровщик. – Я бы тоже купил себе игрушку и прокачивал её, пока она мне не надоест.

– Пошел восемьдесят девятый, – заметил долговязый Фокас. – Теа, ты следующая.

– Из восьмидесяти восьми купили всего лишь тридцать четыре участника, – задумчиво произнес Зефир. – Это, конечно, не гарантирует им стопроцентное выживание, но можете считать, что первые фавориты в этой гонке уже определены.

– Ммм... А как ты понял, что среди гарантов есть Металлы? – всё еще не отойдя от новой информации, поинтересовалась я.

– У них на груди светящиеся бейджи с наименованием элемента, который они из себя представляют, так что не ошибешься.

– Восемьдесят девятого купили за пятьдесят монет, – толкнул меня в спину плакса Софос. – Теа, твоя очередь.

Я резко поднялась со своего места и зашагала к тумбе, которая располагалась в двадцати метрах от меня в центре комнаты. Нервно сжимая и разжимая кулаки, я всё еще пыталась понять, что именно для меня будет лучше: если меня купят или если отфутболят. Когда же я встала на “пьедестал”, передо мной на всю стеклянную стену отобразилась моя анкета, которая была создана еще в фельдшерском пункте Кантона-А, специально для Церемонии Отсеивания. В этой анкете было указано всё – от даты рождения, до моих пропорций и размера ноги, отчего мне вдруг стало не по себе. Словно меня раздели до гола, препарировали и в итоге выставили мои внутренности на всеобщее обозрение.

Внезапно, впервые в жизни, я ощутила себя кроликом, которого с секунды на секунду будут вытаскивать из шляпы. Странное ощущение.

Спустя несколько секунд анкета с моей фотографией исчезла, и я увидела людей, сидящих по ту сторону стеклянной стены. Их было не меньше полусотни, и Металлы сидели в первом ряду. Они и вправду выделялись светящимися бейджами с названиями элементов, висящих у них на груди: “Au” – Золото, “Ba” – Барий, “Ra” – Радий, “Pb” – Свинец, “Hg” – Ртуть. Пересчитав их заново, я поняла, что двух Металлов не хватает, но я не заострила на этом своё неожиданно рассеявшееся внимание. Внезапно над моей головой повисла голографическая цифра 10 и с этого момента цифры надо мной начали молниеносно мелькать, чего еще не происходило с предыдущими участниками. Я смотрела на пролетающие перед глазами цифры, параллельно наблюдая за людьми по ту сторону стекла и пыталась понять, кто именно из них хочет меня купить. Однако вычислить покупателя было нереально – все сидели почти неподвижно, напряженно уткнувшись в индивидуальные светящиеся мониторы.

Внезапно восьмидесятка над моей головой сменилась двухсоткой, что было самым резким ценовым скачком за весь аукцион. Еще спустя минуту, над моей головой висела шестисотка, что мгновенно побило рекорд, установленный покупкой Бакчоса, которого приобрели за пятьсот восемь монет. Шестисотка продолжала висеть, и я уже думала, что меня купили, как вдруг внезапно за меня предложили шестьсот пятьдесят монет. В этот момент я посмотрела в сторону своих соперников и поняла, что даже Скарлетт, скрестившая руки на груди и округлившая глаза, пребывает в неприкрытом шоке. 650, 700, 720, 770, 795, 815, 900, 905, 922, 990, 995, 1000, 1001, 1020!

Продано!

Меня купили за тысячу двадцать монет! Я всматривалась в лица гарантов, сидящих за стеклом, но даже они были поражены. Покупатель явно не хотел выдавать себя.

– Тысяча двадцать монет?! Серьезно?! – воскликнул долговязый-Фокас, когда я вернулась на своё место. Мне пришлось идти к своей компании под пристальными взглядами пятикровок и тэйсинтаев, которые явно не были в восторге от моего относительного успеха.

– Поздравляю, – во второй раз за последний час нагнувшись ко мне, прошептал Зефир, смотря на свои ноги, которыми он мотал под лавкой, – теперь можешь забыть о спокойном сне. Тебя признали гаранты. Возвысив твою ценность, они автоматически сделали тебя для остальных участников самым опасным соперником. Теперь конкуренты попытаются избавиться от тебя в самое ближайшее время.

– До пятидесятки я не доживу, – опершись предплечьями о свои колени и сплетя пальцы рук, глухо констатировала я.

– Да, если хотя бы на секунду расслабишься.

Глава 8.

Всего купили сорок пять человек, но в основном все ушли по дешевке, едва ли превышая стоимость в сто монет. Самой дешевой к концу аукциона так и осталась Луна, проданная за двадцать семь монет.

– Поздравляю, если, конечно, есть с чем, – обратилась к нам сразу после аукциона Скарлетт. – Переходим в соседний зал и показываем, на что способны.

Соседний зал оказался копией предыдущего помещения, за исключением того, что вся левая стена от входа представляла из себя одно сплошное зеркало, лавки отсутствовали, а посреди комнаты, вместо аукционной тумбы, расположился ринг. Еще у зеркальной стены стояло семь мягких стульев, на которых уже сидели Металлы.

– За зеркальной стеной сидят ваши гаранты, – начала инструктаж Скарлетт. – Вы их не видите, зато они за вами пристально наблюдают. Я буду вашим тренером, как и Металлы, которые в любой момент могут заняться вашим воспитанием, если только пожелают. Сегодня и завтра у вас будут пробные спарринги, на которых вы продемонстрируете свои способности купившим вас гарантам. После пробных спаррингов состоится бой, в случае выигрыша которого вы заработаете десять баллов. Советую не пренебрегать заработком баллов, потому что они вам пригодятся в конце месяца, конечно если вы умудритесь до него дожить. Если к концу месяца сможете набрать сто баллов, успешно проходя различного рода испытания, тогда у вас появится шанс выменять их на выбор оружия для участия в Турнире. Так что не прозевайте этот шанс – он может спасти ваши шкуры. Теперь о предстоящем спарринге. Он длится до тех пор, пока соперник не будет уложен на лопатки или убит – здесь на ваше усмотрение. Советую не пренебрегать лишней возможностью избавиться от противника: чем меньше ваших оппонентов останется в живых, тем больше у вас шансов попасть в пятидесятку. Еще можно сдаться перед началом боя, подняв правую руку вверх и заявив о своем поражении, или в течение первой минуты боя прокричать о своем решении. Если вы этого не сделали в самом начале – даже если вас будут убивать на второй минуте под ваши вопли о том, что вы жаждете сдаться, это не будет учитываться – либо умираете, либо побеждаете соперника, либо он вас шадит. Не советую спешить сдаваться тем, у кого есть гаранты – они могут отказаться от вас в любой момент. Разочаруете их своими отсутствующими способностями, и вас бросят, как ненужную вещь. Следующие две недели вы будете находиться под невидимой опекой своих гарантов и сможете познакомиться с личными благодетелями лишь за две недели до начала Металлического Турнира, если, напомню, умудритесь выжить в течение грядущих четырнадцати дней. А теперь по очереди выходим на ринг. Первый и второй номера – пошли.

Я перевела взгляд на парня под восемьдесят девятым номером, с которым мне предстояло сражаться. Судя по цвету его кожаного браслета, он был тэйсинтаем. Его купили за пятьдесят монет и явно не прогадали с выбором. Парень был минимум на пять сантиметров выше меня, с широкими плечами и ярко выраженным желанием раскроить кому-нибудь череп. С учетом того, что остальным девушкам повезло больше – они сражались друг с другом и их силы практически были равны – я чувствовала себя обманутой. Мне достался противник, который был крупнее меня минимум на семьдесят процентов, что едва ли можно было считать справедливым.

Уже третий спарринг закончился кровавым месивом, однако крупный тэйсинтай предпочел оставить своего соперника, тощего пятикровку, в живых, хотя и помучал его изрядно. Было ясно, что каждый из участников попытается максимально выложиться, чтобы показать

свои возможности соперникам и заставить себя опасаться, однако я решила придерживаться другой стратегии. Я предпочла быть недооцененной, нежели мгновенно изученной и, впоследствии, предсказуемой, а значит в скором времени и убитой.

Когда долговязый Фокас во время аукциона говорил о том, что участники из Кантона-А не умеют даже правильно нож в руках держать, он уж слишком обобщал – я умела. С учетом того, что я жила в самом опасном районе Кантона, мне не раз приходилось участвовать в уличных потасовках. Когда Эльфрик понял, что я не прохожу мимо субъектов, уничтожающих беззащитных, он решил научить меня кое-какому рукопашному бою. По рассказам Эльфрика, отец моей матери был первоклассным бойцом, который, в своё время, успел поднатаскать моего отца и дядю рукопашке, чем позже второй со мной и поделился. Вот только в последний раз мне приходилось по-настоящему драться два года назад, и с учетом того, что моими противниками были три пьяных мужика, я не была уверена в том, что тогда победила лишь благодаря своей ловкости. Еще я пару раз за прошедший год по шуточному дралась с Эльфриком в лесу и однажды даже уложила его на лопатки отличным подкосом ног, однако это было всего лишь баловством, которое едва ли могло мне сейчас помочь.

Из Кантона-А одержать победу смог только Зефир, вставший в спарринг с парнем, примерно его комплектации. Софос, Фокас и Нереус сдались на первой минуте из-за того, что их соперники оказались куда более мощными парнями, нежели были они. Софосу повезло меньше всех, так как прежде, чем он успел сдаться, ему сломали нос и теперь он сидел на полу, пытаясь сдержать слезы после того, как Нереус вправил его извилину обратно.

Встать в спарринг с тэйсинтаем означало не только проиграть, но и умыться собственной кровью. Судя по происходящему на ринге, эти ребята не знали тормозов. Даже девушки врезались кулаками в виски, разбивали носы и ломали пальцы соперниц. Всего пару боев прошли без брызг крови и-то лишь потому, что в спарринг вставали люди из одного Кантона, пока еще находящиеся в одной упряжке, как я с парнями из своего “А”.

Когда очередь дошла до меня, большая половина участников уже зализывала раны. Мой соперник молниеносно забрался на освобожденный ринг, совершенно не скрывая желания размять свои кулаки. Встав напротив него, я попыталась понять, что будет правильнее – попробовать его одолеть или сдаться сразу. За несколько секунд до начала спарринга я вдруг поняла, что над залом внезапно повисла напряженная тишина. Даже Металлы впервые все вместе обратили свои взгляды на ринг. Наверняка все ожидали, что первая девушка пятикровка, которую продали за тысячу двадцать монет, обладает какими-то суперспособностями, вот только, к собственному разочарованию, я ими не обладала.

Когда Скарлетт махнула рукой, тем самым выдав разрешение на начало нашего спарринга, я поняла, что сдамся прежде, чем получу значительный урон.

Сразу после взмаха руки бритоголовой, мой соперник ринулся в мою сторону. Он замахнулся трижды, прежде чем я позволила ему попасть по себе. Естественно я продумала этот выпад заранее, благодаря чему виртуозно защитила свою левую скулу предплечьем, однако сила удара громы, как я и предполагала, оказалась слишком велика: еще чуть-чуть и я бы слышала треск кости своей руки. Специально не сопротивляясь силе удара, которую я могла бы успешно преодолеть, я завалилась на правый бок и, спустя долю секунды, в мои левые ребра врезался твердый ботинок.

– Сдаюсь! – резко прокричала я, но соперник всё равно нанес мне повторный удар, ещё раз врезавшись носком своей твердой ноги в мои крепкие ребра.

– Стоп! – возмущенно прорычала стоящая за канатами ринга Скарлетт. – Еще раз увижу, что кто-то продолжает бой после того, как его оппонент успел сдаться на первой минуте – собственноручно вытрясу из него душу за пренебрежение установленных в Руднике правил.

Я лежала на полу, морщась от боли в ребрах и пытаюсь не смотреть на идеальной красоты лица Металлов, но, встав на ноги, один взгляд в их сторону я всё же случайно бросила. По выражению их лиц можно было смело судить об испытываемых ими эмоциях от увиденного и, если я не ошибалась, только Золото был обеспокоен. Ртуть и Свинец откровенно радовались исходу боя, Платине же было совершенно наплевать на происходящее, а Барий, Франций и Радий о чем-то активно перешептывались. Сделав полшага в сторону, я поняла, что прикусила правый угол нижней губы, из которой теперь всю хлестала теплая кровь. Аккуратно перевалившись через синий канат ринга, я, обнимая свои пострадавшие ребра руками, в скрюченном состоянии отправилась к компании Кантона-А, радуясь тому, что мои ноги не пострадали и мне не придется оставшийся месяц мучиться хромотой.

– По-видимому, у нас самый отсталый Кантон, – ухмыльнулся долговязый Фокас. – Только неубедительная победа Зефира и не позволила потопить нашу репутацию окончательно.

– Мы лузеры, признайте, – тяжело выдохнул плакса Софос, – и скоро сдохнем.

– Не сдохнем, если будем бороться, – твердо заявил сидящий рядом со мной Зефир, чем немного развеял общий пессимизм.

Мне было неинтересно, как проходили оставшиеся бои, а когда они закончились, нас перевели в следующий зал.

Мы оказались в огромном помещении, разделенном на множество секций, в каждой из которых был представлен определенный вид оружия.

– Что ж, детки, балуйте, – упершись руками в бока, громко произнесла Скарлетт. – Это оружейная комната. Покажите друг другу, кто на что способен.

После этих громких слов наш инструктор развернулась и вышла вон, оставив нас наедине с собой, друг с другом, оружием и Металлами, которые расселись по разным сторонам зала, опустив свои взгляды в неизвестные мне гаджеты.

– Погнали в секцию с огнестрелами, – неожиданно предложил Нереус-воровщик, и парни, не задумываясь, двинулись за ним следом.

– Я, пожалуй, останусь здесь, – тяжело выдохнула я, всё еще обхватывая правой рукой левую часть своего ноющего туловища.

– Не думаю, что это хорошая идея, – нахмурил брови Зефир.

– Нас попросили показать друг другу, на что мы способны, так что я готова продемонстрировать всем, как умело я сижу на своей пятой точке, – с этими словами я аккуратно опустилась на пол, так как мест для сидения в оружейной не имелось, параллельно стараясь не вызывать лишнего раз боль в ребрах.

– Я останусь с ней, – отозвался плакса Софос, внезапно опустившись на пол в паре шагов от меня. Навряд ли он хотел поддержать меня, просто парню досталось еще больше моего, и наверняка сейчас он мучался от не меньшей боли.

Все еще с минуту мялись, явно не считая нас сильной парочкой, которая, в случае опасности, сможет за себя постоять, однако желание добраться до оружия, в итоге, их перебороло.

Не обращая внимания на Софоса, который уже всю разглядывал задницу прошедшей мимо него девушки-тэйсинта, я пыталась прекратить морщиться от боли, сжимающей мое нутро.

Спустя примерно пять минут некоторые тэйсинтаи начали на нас с Софосом косо поглядывать, и я была уверена в том, что внезапно отклеившаяся от стены тройка крупных парней направлялась с другого конца комнаты именно в нашу сторону. Я уже думала окликнуть Софоса, чтобы предложить ему свалить, пока еще есть возможность, как вдруг, идущие к нам тэйсинтаи резко остановились буквально в пятнадцати метрах от нас, после чего совершенно необъяснимо сделали вид, будто направляются в другую сторону. Я удивилась подобному пове-

дению серьезно настроенных агрессоров, однако моё удивление продлилось не дольше пяти секунд.

Внезапно, прямо передо мной, на корточки опустился златовласый парень с янтарными глазами. Это был Золото. Волосы у него и вправду были словно золотые нити, как и глаза, отражающие золотистый блеск. Он обладал красиво сложенным, отточенным телом, белоснежной улыбкой и идеальной линией губ. На вид ему было не больше двадцати трех, но я прекрасно понимала, что ему намного больше лет.

– Держи, – неожиданно протянул мне платок золотистого цвета Металл. – У тебя кровь вот здесь, – он потер свой правый угол губ, изображая место моего кровоподтека.

– Спасибо, – стараясь скрыть удивление, поблагодарила я, приняв из рук прохожего платок, боковым зрением наблюдая за тем, как Софос трусливо линяет в сторону секции с огнестрельным оружием.

– Сильно пострадала? – дружелюбно поинтересовался Золото, с любопытством наблюдая за тем, как я вытираю кровь со своих губ.

– Могло быть и хуже.

– Могло. Я наблюдал за твоими движениями. Первые три удара ты умело обошла, специально подставившись под четвертый, заранее сделав отличную защиту предплечьем. И у тебя были шансы устоять на ногах, но ты предпочла имитировать падение... Не в первый раз вступаешь в рукопашный бой, верно?

– Я думала, что все Металлы – высокомерные личности.

– Хах, – внезапно усмехнулся собеседник. – А ты смелая. Не все.

– Тогда, может быть, мне стоит узнать кто именно?

– Держись подальше от Ртути и Свинца, – всё еще улыбаясь, откровенно ответил Золото.

– Остальные, значит, душки?

– Нет, но остальные не станут тебя убивать потехи ради.

– Значит, убьют не ради потехи, – буркнула я, уже вставая на ноги.

– Ты слишком агрессивно настроена.

– У меня нет выбора. Спасибо за платок, – ответила я, после чего уверенно отправилась за Софосом.

– Это натуральное золото! – прошипел Нереус, возвращая мне платок Золота спустя пять минут после того, как я нашла свою компанию из Кантона-А в секции с огнестрельным оружием.

– Что? – округлила глаза я. – Этого не может быть...

– Нет, это определенно золотые нити, – не отступал Нереус.

– Откуда тебе знать?

– Я вор, я знаю цену многим...

– Это и вправду золотые нитки, – пощупав платок, отозвался Зефир.

– Я бы на твоём месте поскорее вернул эту вещь, пока тебя не обвинили в краже, – внезапно встрял долговязый Фокас. – Не забывай, что мы не дружим с Металлами. Как только мы окажемся с ними в Ристалище, они начнут нас безжалостно уничтожать. Давай, гони назад, мы будем ждать тебя в секции с холодным оружием.

Выйдя от огнестрелов, я с опаской начала искать взглядом Золото. Примерно спустя пять минут я обнаружила его в компании Платины и ещё одной девушки Металла. Всего девушек Металлов было двое – Ртуть и Франций – что означало, что сейчас Золото общался с Францием.

Когда мне оставалось всего пять шагов до устрашающей компании, Металлы вдруг одновременно обратили на меня всё своё внимание.

– Я забыла отдать, – как можно более невозмутимым тоном произнесла я, протянув Золоту его платок и стараясь не смотреть никому конкретно в глаза.

Хотя Золото и был отлично сложенным парнем, на фоне Платины он выглядел малогабаритным (что было далеко от правды). Франций же и вовсе возле этих двух гигантов казалась мелкой пигалицей, будучи ниже меня минимум на сантиметр.

– Оставь себе, – непонимающим тоном ответил Золото.

– Нет, спасибо, заberi, – наконец посмотрела в глаза собеседнику я, после чего он всё-таки взял протянутый мной ему платок, явно не понимая, в чем тут проблема.

Резко развернувшись, я отправилась к секции с холодным оружием, мысленно браня себя за легкомыслие. Бесплатный сыр бывает только в мышеловке, и моё положение просто обязывает это понимать, и держаться подальше от таких опасных противников, как Металлы. Они здесь хозяева положения – одно их желание, и я уже лежу на ринге с переломанным позвоночником. Едва ли с ними можно заводить безопасную дружбу, которая в итоге не вызовет собой цунами из фатальных последствий.

Глава 9.

Мой первый день пребывания в Руднике закончился всего лишь огромной гематомой в районе левых ребер, в целостности которых я до сих пор сомневалась, и кровоподтеком правого угла нижней губы. Могло быть и хуже, с учетом того, что после ужина, когда все разбрелись по коридорам в поисках пути до казарм, одного из пятикровок незаметно пырнули в область сердца, отчего тот скончался на месте. Новость о первом трупе так бурно обсуждалась в мужской казарме, расположенной за стеной от нашей, что не я одна полночи мучилась бессонницей. В итоге Ута, лежавшая напротив меня, так сильно ворочалась в своей постели, что огребла нецензурной брани от соседки сверху.

Исходя из громких мужских размышлений за стеной, парня пырнули заточкой, сделанной из столовой ложки – её нашли рядом с трупом. Из оружейной невозможно было выкрасть оружие – на входе и выходе все проходят через сканирующую рамку, так что я полностью верила в вариант с заточкой. Ходить в одиночку по темным коридорам Рудника – прямой путь к смерти, поэтому вывод о том, что мне необходимо было обзавестись союзником, napросился сам собой. Да, у меня были хилые парни из Кантона-А, но они каждые сутки пропадали из поля моего зрения, а я из их, и именно в этот период я становилась наиболее уязвимой – ночью.

Всю ночь я провела в полудреме, радуясь тому, что не одна я опасаюсь за свою жизнь, о чем свидетельствовал свет в душевой, который оставляли гореть на ночь. Лежа в постели, я сонно ворочала мысли в своем мозгу и вдруг неожиданно поняла, что сбилась со счета времени. Из-за полного отсутствия окон, что взаимноисключало проникновение сюда дневного света, можно было сделать вполне логический вывод о том, что Рудник находится где-то под землей.

От осознания собственной беспомощности мне становилось еще больше не по себе. Я чувствовала себя диким зверем, запертым в клетке с хищниками, которые еще не разобрались – я одна из них или, всё-таки, я травоядное, которое можно сожрать. Я пока тоже в этом не разобралась, но в том, что у меня есть клыки, я не сомневалась.

Пока я размышляла об этом, в моей груди появилось странное, давящее чувство, обычно предшествующее панике.

Пролежав всю ночь на левом боку, чтобы иметь возможность наблюдать за передвижениями по казарме, я уже начинала дремать, как вдруг в дверь раздался знакомый стук, и жесткий голос Скарлетт насмешливо произнес: “Подъём, красотки!”. Вскочив с кровати, мы начали быстро переодеваться в свои лохмотья и по очереди выбегать в открывшуюся дверь, которую вторую ночь подряд за нами запирали на засов.

Когда я оказалась в тусклом коридоре, освещенном мерцающей лампой, я поняла, что в нём слишком тихо. В казарме справа парни всё еще спали, что означало, что нас разбудили преждевременно.

– С сегодняшнего дня вам придется спать на час меньше парней, – скрестив руки на груди, фыркнула Скарлетт. – Привилегия слабого пола.

Совершенно не понимая, что происходит, и почему нас разбудили раньше времени, мы быстрым шагом поплелись за шустрой Скарлетт, стараясь зевать как можно тише. Оказавшись в светлой комнате, залитой голубым светом люминесцентных ламп, я сощурилась и принялась тереть глаза, слишком сильно привыкшие к темноте. В комнате находилось восемь странных людей, разодетых в одежду кислотных цветов, от которых глаза у меня резало еще сильнее.

– Оу, это мои! – пропищала скрипучим голосом странная женщина, вместо волос которой был огромный кудрявый шар серого цвета. Она подскочила к девушкам по именам Хлоя и

Фрона, которые отличались жестким сквернословием и применением его по любому поводу, и притянула их к себе за запястья.

– Вы наш гарант? – растерянно поинтересовалась смуглая Фрона.

– Не носи чепухи, дорогуша! – писклявым голосом рассмеялась женщина, оскалив белоснежные зубы. – Я ваш стилист, визажист и просто спаситель вашего серого обличия, так что прошу любить и жаловать.

– Дорогуша, ты моя, – слащавым голосом заявил приблизившийся ко мне загорелый мужчина лет тридцати, с идеально уложенными волосами, покрашенными в сливовый цвет. Спустя минуту, воодушевленные стилисты (значение этого слова я не до конца понимала) разобрали всех девушек и зашли с каждой в отдельную дверь, которых по всему периметру комнаты было около трех десятков. Только Хлое и Фроне достался один стилист на двоих.

Оказавшись в небольшой комнатке, наедине со странным мужчиной, который по повадкам больше походил на моложавую женщину, я начала осматриваться: небольшой столик, уставленный разнообразными флаконами, огромное зеркало, подсвечиваемое желтыми лампочками, раковина со странным вырезом, пара кресел и шкаф.

– Меня зовут Кастиэль.

– Я Теа.

– Замечательно, Теа. Я буду делать из тебя конфетку.

Слово “конфетка” мне не понравилось, отчего я сразу же сдвинула брови:

– Но... Зачем?

– Затем, что так хочет твой гарант. Вообще все гаранты, которые приобрели девушек, занимаются преображением своих подопечных. Некоторые гаранты даже нанимают стилистов для парней...

– Но зачем? – повторила свой вопрос я.

– Зачем, зачем... Затем, что каждый гарант хочет предоставить своей кукле лучшие примочки, разве непонятно? Садись на кресло.

– Почему участники не знают своих гарантов? – усевшись в кресло, поинтересовалась я, поняв, что нахожусь у источника информации.

– Оу, их никто не знает.

– Даже ты? – невозмутимо легко перешла на “ты” я.

– Даже я, – подкатив меня к раковине, ответил Кастиэль. – Это сюрприз.

– Для кого?

– Для всех нас.

– В смысле?

– Дорогуша, ты как в закупоренной банке всю жизнь провела, честное слово! Один раз в пять лет проводится Металлический Турнир, за которым наблюдает весь Кар-Хар.

– Вся столица?! Но, почему об этом никто не знает в Кантонах?

– Потому что тебе об этом знать не обязательно, как среднестатистической простолюдинке, проживающей в затхлом Кантоне, – поморщив носом, выразил свою откровенную неприязнь к “оборванцам” Кастиэль.

– И правда, зачем народу знать, что один раз в пять лет их родственников убивают?

– Не сгущай краски. У каждого из вас есть шанс на выживание. И потом, твой гарант весьма щедрый, – неумело перевел тему стилист.

– Имеешь в виду цену, за которую он купил меня?

– Тысяча двадцать монет, – довольно улыбнулся стилист. – Это рекорд не только среди пятикровок. Но я имел в виду не только это... Ты ведь до сих пор стоишь на торгах.

– Что это значит?

– Всё просто. Тебя могут перепродать. Из-за результатов вчерашнего спарринга, в котором участники впервые показали себя, гаранты отказались от многих своих покупок, разочаровавшись в них и перепродав, но ты всё еще находишься под опекой купившего тебя гаранта.

– Откуда ты всё это знаешь?

– Все подробности отображаются в мобильном приложении, – самодовольно сообщил Кастиэль, достав из своей сумки продолговатый гаджет со светящимся экраном. – Вот, смотри, здесь всё указано. Твою соседку, купленную вчера за пятьдесят монет, этой ночью перепродали за шестьдесят две монеты. Её продал гарант номер тридцать два, гаранту под номером сорок три, который, в свою очередь, решил избавиться от парня, которого приобрел накануне. Этого парня даже перепокупать отказались, из-за его запястья, вывихнутого во время вчерашнего спарринга. Так что гарант, купивший его на вчерашнем аукционе, потерял семьдесят две монеты. Конечно, он мог бы вложить деньги на лечение своего приобретения, но вряд ли подобное вложение окупилось бы.

– Кто может стать гарантом? – задумчиво смотря в экран, поинтересовалась я.

– Любой, у кого есть лишние деньги. Смотри, ты находишься под опекой гаранта под номером три. Воу, за ночь на тебя выросла цена... За твою хлипкую душонку предлагают тысяча сто монет, и это несмотря на то, что ты вчера с треском провалилась во время спарринга.

– Откуда ты знаешь о том, что я провалилась? – продолжала засыпать стилиста разрывающими меня изнутри вопросами я.

– Это транслировалось на всех каналах Кар-Хара, дорогуша. Не переживай, это было не в прямом эфире – только нарезки самых интересных моментов.

– Значит, это телешоу? – пришла в ужас я. Большого отвращения я в своей жизни не испытывала.

– Это твоя путевка в жизнь.

– Скорее в смерть.

– Перестань быть такой негативной! Чудо, что твой гарант до сих пор тебя не продал и даже решил в тебя вложиться.

– Это как? – непонимающе изогнула бровь я.

– В смысле “как”? Я – лучший стилист во всем Кар-Харе, – самодовольно заявил Кастиэль. – Один час моего приема стоит сто монет, а так как твой гарант намерен оплачивать мою работу над тобой в течение последующих тридцати дней, я имею возможность заработать на тебе три тысячи монет. Конечно, всё будет так замечательно только в том случае, если ты умудришься выжить до конца этого месяца, и твой гарант не захочет вдруг тебя повыгоднее перепродать. Уж постарайся ему понравиться во время сегодняшнего спарринга – другого столь заинтересованного и богатого гаранта ты точно не найдешь. Скорее бы прошли эти две недели, и мы узнали имя этого сумасшедшего миллионера! Ты бы видела, какую одежду и примочки он прикупил для тебя... Но об этом позже. Давай начнем с прически. Клади затылок на раковину...

Оказалось, что мой образ был заранее заказан гарантом. Прическа, одежда, аксессуары – всё выполнялось по предпочтению моего опекуна. Спустя час сотрудничества с Кастиэлем, я стояла напротив огромного зеркала и пыталась понять, что со мной сделали. На мне были мешковатые черные штаны, украшенные огромным количеством карманов и цепью, черный корсет-майка, целью которого, по-видимому, было подчеркнуть мою неожиданно округлившуюся грудь в красивом декольте, и черные кроссовки с мелкими шипами. Нельзя сказать, что мне это не шло, но от столь чистой и новой одежды мне было откровенно не по себе, и даже хотелось нервно чесаться. Мои вымытые волосы пахли розами и выглядели такими же шелковыми, как у Ртути на Церемонии Отсеивания. Крупные локоны, пышущие объемом, медленно стекали по моим округлым плечам прямо на лопатки, заставляя меня любоваться этим завораживаю-

щим зрелищем. Самым непривычным был макияж: черная подводка на глазах и красноватые губы выглядели неестественно, но Кастиэль не устал убеждать меня в том, что я теперь “конфетка”. Последним штрихом стали черные кожаные перчатки-ремни, пряжки которых Кастиэль аккуратно застегнул на обоих моих предплечьях. Эти ремни шли от локтей до запястий, после чего, на тыльной стороне ладони, переходили в продолговатую кожаную выпуклость, которая ремешком огибала мои большие пальцы, чтобы пересечь внутреннюю часть ладони.

– А теперь самое главное, – хитро улыбнулся Кастиэль, надев на меня столь странный аксессуар. – Сожми кулаки, каждый из четырех пальцев, резко отстранив большие пальцы в стороны.

Я сделала просимое и сразу же дернулась от страха – из кожаных выпуклостей на каждом кулаке вылезло по три иглы, расположенных между костяшками моих пальцев.

– Правда, здорово?! – восторженно завопил Кастиэль. – Каждая спица по семь сантиметров в длину и по два с половиной миллиметра диаметром. Теперь ты словно Росوماха!

– Словно кто?!

– Не важно. Прodelай это же движение повторно и иглы уйдут.

– Зачем мне эти штуки?

– Дорогуша, ты хочешь и жизнь себе сохранить, и в крови не искупаться? Не будь такой самонадеянной и благодари судьбу за щедрого гаранта. Одна такая перчатка стоит пятьсот монет, а тебе предоставили сразу две. Пляши, конфетка, пляши!

И я бы сплясала, если бы не осознавала предназначения лезвий, коварно ловко спрятанных в моих руках.

Глава 10.

На завтрак я значительно опоздала, из-за чего мне пришлось наскоро закидывать в желудок безвкусные куски пищи. Естественно на “приобращенную” меня все глазели, но были личности, которые привлекали куда большее внимание, нежели моя скромная персона. Например, волосы девушки по имени Зекла остригли до плеч и выкрасили в розово-синий цвет, что выглядело весьма дико. Почти все участницы неожиданно оказались наполовину раздетыми, отчего смотреть на них было холодно, а местами даже больно. Только девушка по имени Шарлотта, в казарме спящая на кровати надо мной, тихая Пилар и миниатюрная Луна были более-менее одетыми, хотя и их не миновали юбки. Я была единственной девушкой, на которой остались штаны.

Глядя на полуголых девиц, у которых выкатывались груди из рваных топов и торчали трусы из-под кожаных мини-юбок, я впервые мысленно поблагодарила своего гаранта, кем бы он ни был, и сделала это на удивление искренне. Обронив взгляд на злюку Чеб, сидящую в одном кожаном лифчике и коротких шортах, я подавилась водой.

– Что сделали с их волосами? Кого не обчекрыжили, обязательно перекрасили, – ухмыльнулся плакса Софос.

– Не смешно, – заметил Зефир. – Это показывает нам, что гарант может сделать из своей марионетки всё, что захочет.

– Например, выпустить девушку голой? – криво улыбнулся Нереус-воровщик.

От подобного предположения я нервно сглотнула.

– Не забывай, что не только у девушек есть гаранты, – твердо вставила я.

– Да, но у меня нет гаранта и мне не о чем переживать, – пожал плечами Нереус.

– А стоило бы, – заметил Зефир. – Парню, сидящему за соседним столом, гарант подарил стальной клинок, стоимостью в сто монет. Как думаешь, у кого из вас больше шансов на выживание и, когда представится возможность, не пырнет ли он тебя своим “шансом”?

– Теперь у каждого проданного есть холодное оружие, – раздраженно поморщился Нереус, – так что скоро всех нас перережут.

– Тех, у кого есть гаранты, не будут убивать в открытую, – вдруг отозвался долговязый Фокас. – Так что снова у проданных больше шансов на выживание.

– Почему их не будут резать в открытую? Ведь это, вроде как, не запрещено, – непонимающе приподнял брови плакса Софос.

– Чтобы не злить гаранта, которому принадлежит проданный. Если ты убьешь того, на кого неизвестный миллионер запулил свои кровные деньги, вряд ли ты его не рассердишь. Уничтожить игрушку толстосума – это, пожалуй, кратчайший путь к смерти.

– Ну да, ты прав, – задумчиво согласился плакса Софос. – Теа, а ты что скажешь? Какая-то ты сегодня тихая. Тебе гарант тоже оружие прикупил? Покажешь?

– Мне не выдали никакого оружия, – как можно более убедительно ответила я, но так и не смогла понять, поверили ли мне мои собеседники. Я, конечно, ценила союз с этими парнями, но на примере Софоса, который вчера сбежал, бросив меня сразу после того, как ко мне приблизился Золото, я поняла, что каждый из присутствующих здесь заботится о собственной шкуре куда больше, чем о шкуре товарища. Что ж, едва ли их или меня можно было винить в желании сохранить свою душонку в целом теле. Мои заточенные спицы – отличный шанс на выживание, особенно пока о них не догадываются потенциальные враги.

Оказавшись в зале с рингом, каждый участник вслепую вытянул из пластмассовой коробки карточку с номером, распределяющим соперников на сегодня. Больше всего повезло Луне: из-за вчерашнего убийства ряды участников уменьшились, и девушке не досталось

соперника, что позволило ей избежать сегодня очередного кровопускания, которому вчера её подвергла Зекла. Зекла была жестоким противником и накануне беспощадно избила крохотную соперницу, но всё же решила остановиться сразу после того, как у Луны хлынула кровь из верхней губы, которая сегодня сильно распухла и теперь выглядела даже смешно.

Мне попался двенадцатый номер и моим соперником стал мускулистый парень лет двадцати, который вчера разбил нос нашему плаксе Софасу. Мы были шестой парой на ринге, но я еще во время завтрака продумала план своих действий и на сей раз не переживала так сильно, как во время предыдущего спарринга. Я знала, что мой гарант сейчас сидит за стеклянной стеной напротив и наверняка ожидает, что я пушу кровь противнику, как это произошло со второй парой, вышедшей на ринг – крупный тэйсинтай безжалостно пырнул ножом и без того хлипкого пятикровку, которого он вполне мог завалить всего одним щелчком в лоб. Пятикровку унесли из зала, а оставшимся участникам пришлось драться на окровавленном ринге, что выглядело жутко.

Пришла моя очередь. Выйдя на ринг, я посмотрела на зеркальную стену, за которой наверняка находился мой гарант, параллельно словив на себе заинтересованные взгляды Металлов. Скарлетт одобрительно махнула рукой, призывая нас к началу боя, и мой соперник уже сделал шаг в мою сторону, когда я неожиданно для всех подняла правую руку вверх и максимально отчетливо произнесла:

– Сдаюсь.

Словив на себе удивленные взгляды участников и Металлов (даже Платина изогнул бровь), я перелезла обратно через канат, очерчивающий границы ринга, и прошла мимо неприкрытой Скарлетт, стоящей со скрещенными на груди руками. Еще никто до меня не сдавался не вступив в бой. Все пытались продемонстрировать гарантам свою способность вести рукопашную битву и, если не попытаться сохранить за собой лояльность опекуна, тогда обрести её, заполучив чужого гаранта. Я же решила мыслить трезво. Гарант, купивший меня, явно непростой человек. Он наверняка не захочет расставаться со своей “куклой”, в которую уже успел вложить больше двух тысяч монет, пока она ему не окупится. Максимум, что он сможет сделать – это перепродать меня. Однако я была уверена в том, что мой гарант на это не пойдет. Человек, который способен расстаться с целым состоянием лишь ради того, чтобы купить нефункционирующую марионетку, точно не выбросит её на свалку, осознав всю её бездарность. Он будет тянуть ниточки до последнего, пока наконец не поймет, что из этого ничего толкового не выйдет, после чего поднимет ценник и перепродаст ненужную вещь, либо... Либо кукла успеет его порадовать прежде, чем он от нее избавится. Но перепродать он меня в ближайшее время не сможет, пока цена на меня не поднимется до высот, которые смогут возместить ему ущерб вложенных в меня средств. Что ж, в любом случае, я была уверена в том, что имею дело с сильным гарантом.

– Теперь тебя точно перепродадут, – заключил плакса Софос.

– Если только найдется идиот, который захочет тебя купить, – сразу же ухмыльнулся Нереус. – Ну и подставила же ты своего гаранта. Тоже мне, первая в своем роде девушка пятикровка. Смысл вкладывать деньги в того, кто не способен выжить? Подобных проступков не прощают. Надеюсь, что твой щедрый гарант откажется от тебя в мою пользу.

– Ты ему ничего не можешь предложить, – безучастно отозвалась я.

– А ты, значит, можешь?

– Если мой гарант не идиот, в чем я почти не сомневаюсь, он поймет цель моих поражений.

– Цель твоих поражений? Да ты слила всухую два спарринга подряд! О какой цели идет речь? Даже Луна вчера попыталась побарахтаться, в отличие от тебя.

Дальнейшие спарринги приводили в ужас не одну меня. Слова Нереуса о том, что нас всех переберут участники, у которых оказались “щедрые” на оружие гаранты, оказались жестоко

реалистичными. Колюще-режущие предметы блестели на ринге с такой скоростью, что я не всегда успевала распознать природу некоторых. Особой жестокостью отличались тэйсинтай, которые с первого дня демонстрировали свою способность к ведению рукопашного боя. Почти каждый из них выходил на ринг с холодным оружием в руках, заставляя хилых пятикровок следовать моему примеру и признавать поражение прежде, чем по их лицу полоснет острое клинка.

Самым страшным был бой, в котором схлестнулись два крупных тэйсинтая. У одного из них был в руках перочинный нож, а у второго нечто, отдаленно напоминающее кунай. К концу пятой минуты их поединка оба тэйсинтая буквально купались в крови друг друга. Силы обоих были на исходе – они катались по полу, поочередно занимая верхнюю позицию, и душевраздирающе кричали, отчего всё внутри меня содрогалось. Когда парень с кунаем полоснул по горлу бритоголового противника, нависшего над ним, и на лицо победителя брызнул фонтан из бордовой жижи, по моим венам разлился ледяной страх, и я с ужасом отвернулась. Я постаралась сделать это как можно более незаметно, чтобы внимательно следящие за нами гаранты и Металлы не подумали, будто я из слабонервных, но мои глаза предательски зажмурились. К горлу подступил тошнотворный комок, и я стала дышать прерывисто. Очевидно, подобным образом мой мозг рефлекторно реагировал на расплзающийся по залу запах свежей крови.

Наконец заставив себя прийти в себя, я подняла голову и вдруг словила на себе взгляд Золота, который сразу же отвернулся, сделав вид, будто разговаривает с Францием. Франций была немногим ниже меня, с красивым каре в виде ежика, звонким голоском-колокольчиком и почти всегда улыбающимися серебристо-коричневыми глазами. С первого взгляда она выглядела куда более дружелюбной, нежели холодная Ртуть, пышущая чрезмерным высокомерием.

Судя по вчерашнему дню и сегодняшнему расположению Металлов, они делились на три группы:

Первая группа: Платина, Золото и Франций. Эта тройка общалась между собой куда более часто и тепло, нежели они это делали с другими Металлами. Можно было сделать вывод, что они являются друзьями, однако часто улыбающиеся и веселые Золото с Францием были куда более открытыми, нежели немногословный и отстраненно-серьезный Платина, явно предпочитающий уединение.

Вторая группа: Свинец и Ртуть. У Свинца была выделяющаяся внешность – он был альбиносом, из-за чего его было несложно найти в толпе. Странная парочка, которую из себя представляли Ртуть и Свинец, явно не являлась друзьями, но они наверняка были единомышленниками. Было заметно, что Свинец неровно дышит по отношению к Ртути, однако девушка была к нему безразлична, что было заметно по её взгляду, регулярно останавливающемуся на Платине.

Третья группа: Барий и Радий. Эти два парня были сильно похожи между собой: рост около метра семидесяти пяти, каштановые волосы с рыжеватым отливом, практически идентичная мускулатура. Этих двоих вполне можно было бы принять за братьев, если бы не сильно различающая их форма лица – у Бария она была квадратная, у Радия – треугольная. Судя по взаимоотношениям Металлов, эти двое были ближе к Платине, Золоту и Францию, нежели к Ртути и Свинцу, но всё равно держались особняком.

У меня был месяц на изучение своих противников, их привычек и предпочтений. На данном этапе я уже успела нарисовать в своем мозгу поверхностный портрет Металлов – главных противников, от которых наверняка придется спастись во время Металлического Турнира, о котором я всё еще слишком мало знала.

Глава 11.

К окончанию спаррингов трех человек унесли в неизвестном направлении с ножевыми ранениями различной степени тяжести и одного спустили с ринга уже мертвым. Со слов Скарлетт стало понятно, что особой медицинской помощи, за исключением сшивания и перебинтовки, раненым предоставляться не будет, только если гаранты вдруг не захотят оплатить лечение больных. Но так как раненные пятикровки гарантов не имели, было совершенно очевидно, что часы жизни порезанных парней сочтены.

– Ранение подобно смерти, – подытожила Скарлетт. – Даже те, у кого есть гаранты, не застрахованы от того, что после получения травмы им не только не помогут вездесущие опекуны, но от них даже могут отказаться. Не все гаранты хотят вкладываться в игрушку, которая не способна выбороть своё место под солнцем.

После этих слов Скарлетт, как и вчера, ушла, оставив нас в оружейном зале с Металлами, разошедшимися по разным секциям. Когда все участники разбрелись зализывать свои раны, долговязый Фокас подошел к зеркальной стене, чем заставил нас напрячься.

– Что ты делаешь? – нахмурил брови Зефир, наблюдая за тем, как Фокас водит рукой по зеркалу.

– Самоутверждается, – криво улыбнулся Нереус-воровщик.

Фокас резко обернулся и, подойдя к нам впритык, заговорчески прошептал:

– Разве не понятно? За этим зеркалом находятся действующие и потенциальные гаранты. Почему бы не привлечь их внимание к себе? Или никто из вас не хочет заполучить по кинжалу или клинку?

Неожиданно все парни задумались над словами Фокаса.

– Ты прав, – наконец произнес плакса Софас.

– Да, – согласился Нереус. – Пошли, поторчим возле зеркала.

– Мне это не нужно, так что я пас, – открестилась руками я.

– Я бы на твоём месте не был столь самоуверен, после двух-то провалов подряд, – хмыкнул Нереус.

– И всё же, – ответила я, после чего развернулась и направилась в сторону секции с огнестрельным оружием. Зефир тоже был против идеи товарищей, однако отказался пойти со мной, решив сесть на пол и осмотреть свои кулаки, пострадавшие в спарринге с пятикровкой, успевшим сдать до окончания первой минуты боя.

В секции с огнестрелами никого не оказалось, чему я втайне обрадовалась. Подойдя к столу с разнообразными видами винтовок, я начала по очереди рассматривать те, у которых были глушители. К ружью Эльфрика был приделан самодельный глушитель из масляного фильтра, и прежде мне не доводилось видеть настоящих глушителей, что и вызвало во мне неподдельное любопытство.

– Умеешь этим пользоваться? – послышался знакомый голос за моей спиной, заставивший меня вздрогнуть. Я так сильно увлеклась процессом, что совершенно забыла о предосторожности, отчего сейчас чувствовала себя последней идиоткой.

– Эм-м-м... Нет, – отложив винтовку в сторону, решила солгать я подошедшему к столу Золоту.

Естественно Эльфрик обучал меня стрельбе на своем подержанном ружье. Он даже утверждал, что я весьма недурно стреляю. Когда мне было шестнадцать лет и я сидела в засаде на старом клёне, я умудрилась подстрелить сразу трех годовалых кабанов, и это всего лишь в течение двадцати секунд. На самом деле мне повезло лишь потому, что они паслись прямо подо мной и не сразу поняли, что именно происходит. Тогда у меня получилось поразить на

смерть только одного из них, и нам с Эльфриком еще пришлось повозиться со сбежавшими подранками, но всё равно это был мой лучший результат охоты с ружьем за всю мою жизнь.

– Интересный у тебя сегодня спарринг был, – вновь дружелюбно улыбнулся Золото.

– У меня не было шансов против подобного противника. Он намного крупнее меня...

– У тебя ведь богатый гарант, разве он не обеспечил тебя оружием?

– По-видимому, забыл, сосредоточившись на накрутке локонов, – нервно улыбнулась я, пытаюсь понять, кто передо мной стоит – коварный противник или потенциальный союзник.

– Как чувствуешь себя после вчерашнего спарринга? – продолжал улыбаться Золото, явно дающий понять, что настроен по отношению ко мне дружелюбно.

– Стилист помог справиться, – более открыто, но не без заметного напряжения, заулыбалась я.

– Стилист? – сорвался на откровенный смешок Золото.

– Губу замазал чем-то вязким, ребра замотал в корсет.

– Ребра болят?

– По правде говоря, корсет бандажный и достаточно свободный, так что боли почти не чувствую – только когда делаю слишком глубокий вдох или поднимаю руки вверх. Наверное поэтому я всё равно сомневаюсь в целостности шестого и седьмого ребра, – поморщила носом я.

– Прощупывала ребра вот так? – поинтересовался собеседник, показав на себе, как именно необходимо прощупывать ребра.

– Нет, – хмыкнула я.

– Давай прощупаю. Предупреждаю – это не очень приятно. Если почувствуешь острую боль – кричи, – хихикнул Золото, начав с моего верхнего ребра прежде, чем я успела откатиться.

– Вроде ничего не болит, – пожала плечами я, когда Золото дошел до последнего моего ребра.

– Поздравляю, трещин нет, – улыбнулся белоснежной улыбкой Металл.

– Прекрати лапать девчонку, – внезапно раздался строгий голос. Резко обернувшись, я заметила в дверях секции Платину. – Тебя Франция ищет.

После этих слов Платина невозмутимо развернулся и ушел, а я, вдруг поняв, что и вправду нахожусь слишком близко к Золоту, сделала шаг назад.

– Гематома есть? – вновь невозмутимо улыбнулся мне Золото, заставив меня пристыдиться того, что я восприняла слова Платины всерьез. Было совершенно очевидно, что Золото искренне хочет мне помочь, а вовсе не “лапает”, как выразился его друг. В ответ я лишь утвердительно кивнула.

– Посмотрю, что с этим можно сделать, – всё так же невозмутимо похлопал меня по плечу Золото, после чего удалился вслед за Платиной.

Еще с минуту постояв у винтовок со смешанными чувствами, я решила вернуться к товарищам, зализывающим раны после спарринга.

Приняв душ одновременно с тремя девушками, я забралась в свою постель, кутаясь тонким одеялом и дрожа от холода. Вода в душевой и прежде не отличалась чрезмерной теплотой, но сегодня явно была гораздо холоднее обычного, из-за чего я решила не мыть голову, которая, после работы Кастиэля, всё еще пахла розами. И хотя холодный душ способствовал моему бодрствованию, две предыдущие ночи, которые я провела не смыкая глаз, дали о себе знать. Примерно через два часа после отбоя я потеряла над собой контроль и провалилась в сон, продлившийся около трех часов. Кажется, мне снился Эльфрик, мерно шагающий по лесу, когда я проснулась от резкого толчка. Надо мной стояла Зекла, с широким ножом в правой руке, зависшей в воздухе. Лишь спустя пару секунд я поняла, что её руку кто-то держит, не

давая девушке воткнуть в меня острие. Резко подскочив, я оттолкнула Зеклу от своей койки, врезавшись ногами ей в грудь, после чего поняла, что её руку всё это время удерживала моя соседка по кровати, спящая надо мной.

Из-за произошедшей возни некоторые девушки проснулись, но никто не сдвинулся с места. Недовольно фыркнув, Зекла быстро вернулась к своему спальному месту, пока я пыталась осознать, что именно только что произошло. На душе вдруг стало настолько жутко, что выскакивающий из вен пульс начал сжимать моё горло.

– Шарлотта, – спустив руку со второго этажа, шепотом представилась девушка.

– Теа, – не вставая с постели, ошеломленно ответила я, пожав руку соседки.

– Можешь сегодня спать спокойно – я покараулю.

– Нет, я уже не смогу уснуть. Спи ты, а я побуду в карауле.

– Точно?

– Обещаю.

Подобным образом вопрос с союзником, о котором я думала все прошедшие сутки, решился сам собой. Вглядываясь вглубь казармы, в темный угол, в котором залегла Зекла, я мучилась вопросом о том, как много из здесь присутствующих хотели бы занести над моим спящим телом нож и сколько бы этому свершиться. Хотя мы с Шарлоттой и были соседками по койкам, я почти ничего о ней не знала. Единственное, что мне было известно о ней – это то, что ей двадцать один год, она тэйсинтай и её купили за семьдесят две монеты. Девушка обладала очень густыми каштановыми волосами длиной до плеч, глазами цвета охры и была на сантиметр выше меня, совсем немного превышая меня в комплекции. Шарлотта была достаточно симпатичной в новой одежде, предоставленной её гарантом, но ей явно не нравилось, что её раздели в кожаный костюм амазонки.

Спустя час напряженного бдения я не выдержала и встала с постели, чтобы переодеться прежде, чем Скарлетт затарабанит в дверь нашей казармы и все судорожно бросятся одеваться. Судя по всему, мой преждевременный подъем спровоцировал волну беспокойства среди некоторых соседок, так как сразу за моим подъемом, с разных сторон казармы послышались скрипы кроватей. Переодевшись, я легла в постель и снова накрылась тонким одеялом. Стало немногим теплее, однако по моему телу всё еще пробежала дрожь.

Эта ночь была настолько холодной, что время словно начало тянуться озябшей ниточкой сквозь моё сознание. К окончанию моего караула мне даже начало казаться, будто Скарлетт уже никогда не придет нас будить. Случайно забыв о нашем существовании, она оставит нас в этом мрачном бункере запертыми навсегда.

Глава 12.

– Это первое покушение, в женской казарме, – шепотом произнесла подошедшая ко мне сзади Шарлотта. Нас снова разбудили раньше парней и вели по темным коридорам в сторону гримерных, но на сей раз нашим поводырем была не Скарлетт – им был невысокий мужчина с клеймом в виде перечеркнутой буквы “В” на плече.

– Зачем ты меня спасла?

– Лучше иметь в союзниках первую в истории девушку пятикровку, чем до конца месяца выживать самостоятельно.

– Похоже, меня сильно переоценивают.

– Только не нужно об этом болтать, – многозначительно заметила Шарлотта. – Тот факт, что тебя переоценивают, может сильно сыграть тебе на руку.

– Или сыграть со мной злую шутку.

– В зависимости от того, как ты этим воспользуешься.

Я не могла думать ни о чем, кроме того, что сегодня должен состояться бой, который может позволить мне заработать десять баллов. Исходя из инструкции, которую нам предоставила Скарлетт, в течение месяца перед нами будут поставлены разнообразные испытания, выполнение которых позволит нам зарабатывать баллы. Она вскользь упомянула о том, что если участник умудрится набрать к концу месяца сто баллов – ему будет разрешено выбрать оружие на время участия в Металлическом Турнире. Это значит, что не набравшим нужное количество баллов придется либо обходиться без оружия, либо довольствоваться тем, что ему выдадут, даже если он не умеет орудовать булавой, например. Я знала, что моё выживание будет во многом зависеть от наличия в моих руках огнестрельного оружия, так что была решительно настроена на сегодняшний бой.

Как и вчера, Кастиэль много болтал, неосознанно вводя меня в курс дела. Он разрешил воспользоваться своим гаджетом, благодаря чему я смогла просмотреть статистику участников Турнира, которая за прошедшую ночь сильно изменилась. Когда я спросила, что означают перечеркнутые красным крестом фотографии участников, Кастиэль доброжелательно пояснил, что этих участников уже нет в живых. От его доброжелательности в подобных вещах он ничуть не становился для меня лучше, даже наоборот – я испытывала к нему явное презрение. Он был презренной мне частью мозаики, замуровавшей меня под землей для дурного зрелища и потехи, без шанса на *достойное* выживание.

Оказалось, что за прошедшие сутки лишилось жизни еще четверо человек: тот парень, которого тэйсинтай прикончил у всех на глазах во время спарринга, и еще трое парней, получивших ранения во время боев. Итого нас осталось сто пятнадцать человек, шестьдесят пять из которых за следующий месяц либо умрут, либо сначала станут донорами/сосудами и только после этого умрут. Остальные пятьдесят отправятся в Ристалище, откуда вернется всего трое. Мрачные перспективы заставляли меня морщить лоб, чем Кастиэль, наносящий на моё лицо какую-то пудру, был сильно недоволен. Странно, но несмотря на то, что вчера я слила свой спарринг, цена на мою душу всё равно возросла от тысячи ста монет, до тысячи ста пятидесяти. И судя по тому, что мой гарант всё еще продолжал тратиться на стилиста, и даже купил мне теплую черную толстовку на молнии, он не собирался со мной расставаться. Когда же Кастиэль наклеил вдоль моих левых ребер пластырь огромных размеров, присутствие которого на своем теле я совершенно не ощущала, и сказал, что эта штука дорогого стоит, я поняла, что мой гарант либо круглый идиот, либо действительно ждет от меня больших результатов. Кастиэль объяснял, что этот пластырь заживляет едва ли не любые раны, так что к концу дня у меня должно пройти болевое ощущение в области ребер, но я почти его не слушала, проверяя

функциональность своих спиц, спрятанных в перчатках-ремнях. Пока Кастизель подкрашивал мои глаза, бормоча что-то о щедрости моего гаранта, я думала о том, что было бы лучше, если бы костяшки моих пальцев были бы не оголенными – так бы мои кулаки меньше пострадали во время грядущего боя.

Тот факт, что мой стилист снова задержал меня ради наново накрученных локонов, начал меня раздражать. Из-за его нерасторопности мне снова пришлось в одиночку идти по тусклому коридору в сторону столовой, шарахаясь каждого темного угла.

Сев на своё место рядом с парнями Кантона-А, я старалась не пялиться на девушек, которых сегодня оголили еще больше. По-видимому, их гарантам было глубоко наплевать на резко упавшую температуру в Руднике и полное отсутствие горячей воды. Только Луну одели в костюм бежевого цвета, включающий в себя кожаные брюки и теплую кофту, и Шарлотту с Пилар оставили в прежних кожаных юбочных костюмах амазонок, остальных же девушек переодели либо в короткие шорты с рваными топами, либо в мини-юбки с шипованными лифчиками. На девушках была тонна косметики, едва ли не осыпаящаяся с их лиц, а на их щиколотках красовались кожаные браслеты. Казалось, будто гаранты поддерживают неведомую участникам моду, совершенно не задумываясь о том, что при таком раскладе их подопечные скоро скорчатся от банальной простуды. Даже парни, обладающие гарантами, сидели в рваных кожаных штанах и тонких футболках, а их глаза были обведены черным карандашом. И только я одна была одета в теплую толстовку, мои пострадавшие ребра грелись под исцеляющим пластырем и волосы у меня были словно волны шелка, а не осиное гнездо, как у остальных. Смотря на всю эту картину, я не могла понять, кому повезло больше – тем, кого купили и которым приходится терпеть издевательства над своей внешностью взамен на оружие, или тем, кто остался непроданным, без оружия, с минимумом шансов на выживание, в своей старой одежде и возможностью самостоятельно укладывать волосы.

После завтрака, во время которого мои товарищи бурно обсуждали погибших участников, нас загнали в просторный, пустой в зал с высоким потолком. Голубовато-белый свет освещал только его центр, оставляя границы помещения в полумраке.

Когда все только входили в зал, буквально нависая друг над другом, в моё левое плечо кто-то сильно врезался, что заставило моё сердце на несколько секунд замереть от страха.

– Металлы бессмертны, – прямо в ухо прошептал знакомый голос. – Проткнешь его сердце, желательно поглубже, выиграешь пятнадцать секунд, пока он будет регенерироваться.

Быстро произнеся эти слова так, чтобы никто кроме меня их не услышал, Золото отправился в противоположный конец зала к остальным Металлам, заставив меня ломать голову над тем, что именно он имел в виду, пока Скарлетт всё не прояснила.

– Итак, ваше первое задание – бой, во время которого вам будет предоставлен шанс заработать десять баллов, способных спасти вам жизнь в Ристалище. Перед началом Металлического Турнира вы сможете обменять заработанные вами баллы на оружие, еду, одежду и прочие побрякушки, способные спасти ваши души, так что советую попотеть. Теперь перейдем к сути сегодняшнего задания. В центре зала стоит Свинец, – Скарлетт повернула свою бритую голову в сторону Металла альбиноса. – Ваша задача – добраться до столба, расположенного у противоположной границы поля боя, и нажать на огромную зеленую кнопку, закрепленную на нем. Как только сделаете это – пересекаете желтую линию, присоединяетесь к Металлам и наблюдаете за остальными участниками. Задание предусматривает командную работу, поэтому сейчас вы будете разбиты на пары. Даже если до кнопки доберется всего один из пары, обоим участникам будет зачислено по десять баллов. Так как на данный момент вас сто пятнадцать человек, участники, которым выпадут номера под номерами один, два и три, создадут собой трио. Теперь по очереди подходим к ящику и тянем лотерею.

Глава 13.

Мне попался двадцатый номер, и моей напарницей стала девушка по имени Пилар, характеризующаяся тихим нравом. Официальной тихоней среди девушек всё же считалась Луна, но следующей по списку шла именно Пилар, которая хоть и была незаметной, всё же могла за себя постоять куда лучше, чем коротышка Луна. Несмотря на проигрыши во время спаррингов, Пилар успела разбить Уте в кровь верхнюю губу и сломать нос хилому пятикровке.

Встав рядом со мной, Пилар не проронила ни слова, но было ясно, что она не рассчитывает заполучить баллы в обретенном союзе со мной. Больше всего шансов было у пары тэй-синтаев во главе с огромным Бакчосом, в прошлом содержащим личный бойцовский клуб в Кантоне-G, и у участников, сформировавших тройку. Однако они один за другим провалили задание и вернулись на исходную позицию ни с чем, если не считать серьезных ушибов. После поражения самых сильных участников мне стало совершенно очевидно, что для остальных выполнить поставленную задачу – нереально. Скрестив руки на груди, стоя у края желтой линии, отделяющей границы поля боя, я наблюдала за тщетными попытками участников прорваться до противоположного конца зала. Несмотря на регулярный крах команд, у всех их была единая стратегия, которой они строго придерживались – они разделялись. Пока один бежал влево – второй рвался вправо, но в итоге Свинец с легкостью и невероятной скоростью догонял обоих зайцев и, одним ударом левой руки, по очереди впечатывал участников в пол.

Свинец двигался куда быстрее обычного человека, что поражало нас, обычных смертных, и позволяло ему в течение двадцати секунд поочередно догнать и уложить всё трио “счастливиц”. Однако у него всё же была одна слабость – девушки. Если парней он откидывал одним ударом, тогда с девушками обязательно вступал в рукопашный бой, словно смеясь над их неспособностью его победить. Когда ему надоедало это баловство, он одним ударом укладывал участниц на пол, тем самым завершая бой. Наблюдая за происходящим, я успела набросать кое-какую стратегию прежде, чем очередь дошла до нас.

– Послушай, – обратилась я к своей напарнице, явно не ожидавшей от меня слов, после чего закатила рукава толстовки по локоть. – Мы не будем разделяться.

– Что?! – не скрыла своего удивления Пилар. – Разве у нас так не больше шансов?

– Мы первая пара, в которой сразу две девушки. Обычно Свинец первым вырубает парня, затем балуется с девчонкой. Если мы разделимся, тогда я не буду уверена в том, что он первой выберет меня. Свинец выводит из строя первого, со вторым балуется, понимаешь? Если первой он выберет тебя – у нас меньше шансов. Мне нужно, чтобы он начал бой со мной. Пока я буду его отвлекать – беги к кнопке.

– Ты уверена? – с открытым сомнением поинтересовалась Пилар, явно не доверяя моим способностям, которые я умело продемонстрировала во время спаррингов.

На вид я дала бы Пилар двадцать один год, и я, в свои восемнадцать, выглядела не так внушительно, как она, однако главенство в паре решила взять на себя именно я.

– У тебя есть нож, насколько я знаю, – продолжала я. – Достань его при выходе на поле и будь готова использовать, когда я об этом попрошу.

У нас было три преимущества, о которых Свинец не догадывался:

1) Предупреждение Золота о том, что необходимо бить противника именно в сердце;

2) Мои тайные спицы, встроенные в перчатки;

3) Моё умение вести рукопашный бой, чему я целиком обязана Эльфрику и о чем никто из присутствующих не был проинформирован.

Переступив разделяющую линию поля боя, мы с Пилар, в отличие от остальных участников, медленно зашагали напрямую к центру зала, в котором стоял криво улыбающийся Свинец.

– Так-так-так, что тут у нас... Первая девушка пятикровка, не способная устоять на ногах от мелкого щелбана, – самоуверенно ухмыльнулся Свинец. С каждым своим победным боем он всё сильнее входил во вкус, становясь всё более беспечным, на что я делала большую ставку в предстоящей схватке. Пилар была в паре шагов за моей спиной, как мы и договаривались, что придавало мне немного уверенности.

– Пожалуй, я побалуюсь с тобой, – ухмыльнулся альбинос, явно желая, чтобы я напала первой, но я выжидала. Самым сильным приемом моего рукопашного боя были летающие ножи, но мне необходимо было, чтобы противник направил в меня свой правый кулак – по-другому я не умела пользоваться этим приемом.

Не дождавшись нападения с моей стороны, Свинец всё-таки реализовал то, чего я от него хотела – сделав выпад, он протаскил свой правый кулак буквально в миллиметре от моего виска. Вовремя успев вывернуть корпус, я схватила противника за плечо, как меня учил когда-то Эльфрик, и, сделав его своей опорой, подпрыгнула. Резко оказавшись сверху Свинца, я зажала его шею между своих колен. В следующую секунду изо всех сил сделав мгновенный разворот корпусом, я заставила противника упасть на пол. Во время падения я успела выпустить спицы из своих перчаток и, как только Свинец оказался под моей левой голенью, я резким ударом вонзила левый кулак прямо в его сердце. Из его раны брызнуло вязкое вещество серого цвета, а когда я обернулась, крикнув напарнице: “Нож!”, – увидела её лежащей ничком на полу. Не уверена, но, похоже, перед падением Свинец задел её своей правой ногой и сейчас девушка лежала без сознания, тем самым лишая нас шанса на победу. “Пятнадцать секунд!” – пронеслось у меня в голове бегущей строкой. – “У нас пятнадцать секунд!.. Я не успею добежать до кнопки!”. Вовремя заметив нож Пилар, отскочивший под бок Свинца, я схватила его и с еще большей силой врезалась его острием в сердце ошеломленного Металла, который явно не собирался умирать от подобного ранения. Если честно, если бы я не была уверена в том, что он выживет, я бы ни за что подобное не сотворила. Воткнув нож в его сердце по самую рукоятку, я прокрутила его трижды по часовой стрелке, после чего резко подскочила и рванула в сторону столба с кнопкой, мысленно запустив отсчет времени. Один, два, три, пять, десять, четырнадцать, пятнадцать... На шестнадцатой секунде я добежала до столба и уже была в сантиметре от цели, когда в мою правую ладонь, тянущуюся прямо к кнопке, вонзился сюрисен серебристого цвета. Пронзив насквозь, острая звезда буквально пригвоздила мою ладонь к столбу.

Боль была настолько невероятной силы, что я даже закричать не смогла – из моей груди вырвалось нечто отдаленно напоминающее приглушенный рык. Обернувшись, я увидела ошарашенное выражение лица Свинца, уже вставшего на ноги и вытаскивающего из своего сердца нож. Секунда – и нож летит в меня, еще секунда – и я отрываю свою правую руку от столба вместе с сюрисеном и бью ей по кнопке. От силы боли у меня заметно замедлилась реакция и в итоге я не успела мгновенно отстраниться от ножа, из-за чего он полоснул по моему правому плечу, разорвав рукав толстовки, но его острие всё-таки не задело моё тело. Я была уверена в том, что меня сейчас убьют, но неожиданно в зале загорелся зеленый свет, и идущий в мою сторону Свинец остановился, всё еще яростно дыша и плюясь серой жидкостью, которая, по-видимому, заменяла ему кровь. Не поворачиваясь спиной к рассвирепевшему Свинцу, я медленно сделала шаг назад и пересекла заветную желтую линию.

Во время выполнения задания еще никто из участников не пытался в буквальном смысле убить Металл, словно боясь последствий, но только теперь я осознала, что последствия будут. Морщась от боли, я смотрела в противоположный конец зала на ошарашенные лица других участников и Скарлетт, вытягивающей бездыханное тело Пилар с поля боя. Изо всех сил прикусив нижнюю губу, чтобы не разрыдаться от боли в разорванной правой ладони, из которой ужасным потоком хлестала теплая кровь, я обернулась, желая дойти до стеклянной стены, чтобы облокотиться о неё прежде, чем в моих глазах начало бы темнеть. Франций, Золото и Платина, стоявшие справа, внимательно смотрели на меня. Золото явно был обеспокоен,

Франций радовалась чему-то мне неизвестному, а Платина хмурил брови, что я никак не могла растолковать. Барий и Радий, стоящие слева с Ртутью, о чем-то активно шептались, не давая понять их отношение к произошедшему, а вот на лице Ртути в открытую можно было прочесть, что теперь мои дни точно сочтены. Однако я была в курсе того, что каждый второй в этом зале, если не каждый первый, попытается меня убить прежде, чем я смогу попасть в пятидесятку, так что сейчас мне было откровенно наплевать на эмоции Ртути. Дойдя до стеклянной стены, я облокотилась о нее спиной и медленно спустилась на пол, всё еще стараясь не разреваться, что с каждой секундой давалось мне всё сложнее.

Сжав зубы, я опустила взгляд на лужу крови возле правого бедра, которая вытекала из моей ладони. Изначально зная, что никакая медицинская помощь мне оказана не будет, пока мой гарант не захочет её оплатить, я подняла взгляд в потолок и, поджав губы до посинения, резким рывком вырвала стальную звезду из своей руки, и мгновенно воскликнула от дикой боли, буквально пронзившей мой мозг. Боковым зрением, помутившимся от нахлынувших слёз взглядом, я заметила, что Металлы всё еще наблюдают за мной, хотя и делают это тайком, как вдруг Золото отделился от них и направился в мою сторону.

– Ты как, в порядке? – присев рядом со мной на корточки, поинтересовался парень.

– Угу, – тяжело дыша выдавила я, из последних сил стараясь сдержать подступившие к глазам слезы.

– Вчера я говорил о том, что попытаюсь что-нибудь придумать с твоей гематомой на ребрах. Прости, но ничего не вышло, – натянуто прошипел через зубы Золото, после чего похлопал меня по плечу, рукав которого был разорван из-за попавшего в него ножа. В эту секунду я внезапно почувствовала нечто холодное, скатившееся по моей руке от разрыва к низу рукава. Округлив глаза, я посмотрела в глаза Золота.

– Ничего, – постаралась как можно более убедительно сыграть я, но мой голос всё еще дрожал от дикой боли. – У меня есть средство.

Услышав это, Золото многозначительно улыбнулся, после чего направился обратно к своим товарищам, всё это время внимательно наблюдавшим за нами.

Собравшись с духом, спустя минуту я сделала глубокий вдох и медленно поднялась. Пройдя мимо довольно улыбающейся Франция, я оказалась у высокого, круглого стола-стойки, стоящего впритык к восточной стене комнаты. Свинец, злясь своему поражению, прекратил щадить участников, буквально выбивая из них душу, отчего я чувствовала себя немного виноватой. Стараясь не смотреть на то, как Металл пинает крупного пятикровку, я медленно стянула с себя толстовку с разорванным рукавом и, облокотившись левым плечом о стену, встала спиной к стеклянной стене, за которой прятались невидимые гаранты. Мне необходимо было срочно остановить кровь, бордовым фонтаном хлещающую из моей ладони, вот только до конца этого сомнительного соревнования было еще слишком далеко, а дело было безотлагательным. Мне еще повезло с тем, что стальная звезда воткнулась в перчатку, иначе бы я все-ррез рисковала лишиться части ладони.

Я понимала, что нахожусь вне зоны досягаемости глаз участников, располагающихся в противоположной стороне зала, однако пристальных глаз Металлов и гарантов никто не отменял. Однако у меня не было выбора, если только я не хотела истечь кровью прежде, чем меня кто-нибудь добьет. Самым надежным способом остановить кровь для меня было наложение пластыря, который Кастиэль назвал “исцеляющим”. Утром мой стилист заявил, что пластырь, наклеенный на мои ребра, способен заживить едва ли не любые раны, и сейчас я искренне надеялась на то, что он не преувеличивал. Порадовавшись тому, что шнуровка корсета находилась спереди, я начала быстро её развязывать дрожащей левой рукой, отвернувшись к стене, чтобы зеваки не увидели “слишком много”. Наконец оголив свой торс, я взялась за окровавленный сюрикен в виде звездочки и аккуратно провела ей по верхней части пластыря, при этом случайно порезав край бюстгалтера. Бережно отделив широкую линию от своего туловища,

я положила её на стол, клейкой стороной вверх, после чего принялась зашнуровывать корсет обратно. Дрожащие руки с каждой секундой всё меньше меня слушались, поэтому я сдалась на верхней петле и наплевала на то, что у меня остался виден верх бюстгалтера. Всё той же звездочкой дорезав рванный рукав своей толстовки, я снова надела её на себя, чтобы хоть как-то прикрыть грудь. Моё состояние с каждой минутой ухудшалось, и я серьезно опасалась того, что потеряю сознание прежде, чем успею перевязать рану. Подобный исход – реальная угроза расстаться с жизнью из-за банальной потери контроля над собой. Взяв в руки миниатюрную жестяную баночку, которую незаметно засунул в мой рукав Золото, я открыла её и, окунув в нее указательный палец левой руки, аккуратно начала вкладывать мазь прямо в рану. Боль была настолько сильной, что слёзы совершенно неконтролируемо начали скатываться по моим щекам, но я стояла спиной к Металлам, так что могла не переживать о том, что кто-то из них заметит моё расклеенное состояние.

Лекарства Золота едва хватило на три раза. Обработав внешнюю и тыльную стороны ладони, я перемотала рану лейкопластырем, после чего плотно перевязала пострадавшую ладонь коротким обрывком рукава. Посмотрев на своё голое предплечье, я подумала о том, как глупо должно быть выгляжу в оборванной толстовке, но мне было совершенно наплевать на это, с учетом того, что некоторые участники вообще ходили по Руднику в костюмах амазонок. Облокотившись спиной о стену, я медленно спустилась на пол и, подтянув к груди ноги и пострадавшее, согнутое в локте предплечье, уперлась лбом в колени, после чего начала попытки восстановить своё прерывистое дыхание. На мгновение мне стало совсем дурно и даже в глазах начало темнеть, но я с невозмутимым видом облокотилась виском о холодную ножку рядом стоящего стола и закрыла глаза, сделав вид, будто со мной всё в порядке и я всё еще не являюсь легкой жертвой. Изредка приоткрывая глаза, я постоянно ловила на себе взгляды кого-нибудь из Металлов, по которым несложно было определить их отношение ко мне. По-видимому, я весьма порадовала Франций своими успехами, Золото, по непонятной мне причине, беспокоился обо мне, Платина лишь изредка поглядывал на меня непроницаемым взглядом, Ртуть явно жаждала сломать мне шею, а Барий с Радием, отстранившись от остальных, что-то глухо обсуждали.

Испытание закончилось для всех уже спустя полчаса ужасом для многих и особенно для меня: Свинец схватил плаксу Софоса за шею и легким движением рук скрутил её так, что даже я в своём отдаленном углу слышала её хруст. Лишь спустя секунду я поняла, что именно произошло. Парня убили из-за меня – я отчетливо понимала это. Другие участники из Кантора-А успели облажаться до моего спарринга со Свинцом, и Софос был последним из моего Кантона, кто ещё не пробовал своих сил в этом испытании. Это была месть.

От произошедшего кровь в моих венах словно застыла. Резко отвернувшись от поля боя, я устала на свои колени, не желая встречаться взглядом со Свинцом, который сейчас на меня смотрел – я ощущала его колкий взгляд всем своим естеством. Холодные пальцы боли вонзились в мою душу, заставляя её кровоточить. Ни для кого не было секретом, что из нашего Кантона у Софоса было меньше всего шансов на выживание, но... Я в буквальном смысле променяла его жизнь на десять ничтожных баллов... Человеческая жизнь не может стоять так мало! Как я могла так поступить?! Я предполагала, что моя победа может многим не понравиться, однако я даже не догадывалась, что она будет стоять жизни моего товарища. Перед глазами пронесся перелет в шаттле – Софос забрался в капсулу напротив меня и долго мучался со шнуровкой своих дряхлых ботинок...

Спустя несколько секунд после смерти Софоса Скарлетт стальным голосом объявила о том, что испытание закончено, после чего все начали выходить из зала, направляясь в сторону оружейной комнаты. Я встала прежде, чем Металлы двинулись с места, и тоже направилась в сторону выхода, стараясь не смотреть на бездыханное тело Софоса.

– Каково это – знать, что твой друг умер из-за твоей безрассудности? – прорычал Свинец в моё правое ухо, когда я сравнялась с ним возле тела Софоса.

– У меня нет друзей, – холодно ответила я, желая отвести внимание зверя от остальных парней из Кантона-А.

– Больше их у тебя точно нет. Как и шансов добраться до пятидесятки.

– Металлы не могут быть полностью бессмертны, – резко ответила я, посмотрев в пылающие гневом глаза подонка.

Неожиданно Металл схватил меня за шею и, оторвав моё тело от пола, поднял вверх, сравнив нас взглядами. Инстинктивно схватившись за его руку, я выпустила спицы и впилась ими в его предплечье, но он даже не поморщился. Из ран Свинца начала вытекать серая жидкость, заливающая мою одежду.. Он наверняка бы сломал мне шею, если бы не вмешалась Франций.

– Отпусти её, – рассерженным голосом-колокольчиком потребовала девушка.

– Отчего же? Я волен убить её здесь и сейчас – это не воспрещено.

– Отпусти её, – раздался баритон Платины, оказавшегося за спиной у Свинца, после чего тот неожиданно резко откинул меня в рядом стоящего Золото. Задержав меня за правое плечо, Золото похлопал меня по спине, помогая отойти от приступа удушья. Когда я, наконец, прокашлялась и разогнулась, Свинец, Ртуть, Барий и Радий уже выходили из зала.

– Вообще-то нет способа убить Металл, – извиняющейся улыбкой произнес Золото.

– Никто не отменял расчленение, – фыркнула я, заметив боковым зрением тело Софоса, после чего быстрым шагом вышла из зала, оставив Золото, Платину и Франций позади себя.

“Нельзя доверять Металлам!” – мысленно ругала саму себя я. – “Зачем Золото рассказал мне, как победить его товарища?! Если бы он этого не сделал, я бы не нажала на кнопку, и Софос бы не умер... По крайней мере, не по моей вине”.

Глава 14.

Сидя на полу в оружейной, я принимала и без того очевидный факт – я лишилась поддержки.

– Не желаю быть следующей жертвой в твоей ссоре с Металлами, – фыркнул Нереус воровщик.

– Софос был отличным парнем, – хмурился долговязый Фокас. – Мягкотелым, но умным...

– Во всяком случае, он не стоил десяти баллов, – скривил рот Нереус, после чего отправился в секцию с клинковым оружием, забрав с собой и Фокаса.

– Прости их, они не это имели в виду, – тяжело выдохнул Зефир.

– Нет, именно это, и они правы, – прикусила нижнюю губу я.

Глядя в сторону вошедших в оружейную Металлов, спасших меня от ярости Свинца несколькими минутами ранее, я изо всех сил старалась не заплакать. Наверное на моё неустойчивое эмоциональное состояние до сих пор здорово влияло ранение, так как даже в самых суровых жизненных ситуациях слёзы были мне не присущи.

– Они не правы, и я не считаю, что Софос погиб по твоей вине, – продолжал Зефир.

– Но тебе, как и остальным, будет безопаснее держаться от меня подальше, если хочешь протянуть подольше.

– Прости. Честно, прости, – встряхнул плечами Зефир, после чего отправился вслед за своими товарищами, оставив меня посреди оружейной в совершенно подавленном состоянии. Отныне я легкая мишень, которую может убить любой желающей. Такова цена десяти баллов, которые мне не понадобятся, так как теперь я наверняка не доживу до конца этого месяца.

Из гнетущих мыслей меня выдернула Скарлетт, внезапно возникшая прямо передо мной.

– Что ж, хоть кто-то меня услышал, – странно хмыкнула бритоголовая, остановившись в шаге от меня, после чего я непонимающе на нее уставилась, явно ощущая недомогание во всем теле и ноющий вихрь внизу живота. – Эти идиоты заранее всем продемонстрировали свои навыки и оружие, совершенно не услышав моих слов о том, что главный поединок состоится только сегодня. Ты настоящая темная лошадка, на которую теперь будут ставить все в Кар-Харе.

– И вы?

– Отойдем в сторону, – осмотревшись, предложила Скарлетт, словив на себе взгляд Платины.

Зайдя в пустующую секцию с силками, Скарлетт облокотилась о стол, скрестив руки на груди, и воткнулась в меня своим холодным, черноглазым взглядом.

– Вы о чем-то хотите со мной поговорить?

– Я помогу тебе.

– Что?

– Я помогу тебе взамен на обещание, что мои силы не пропадут даром. И обращай ко мне на ты – я не старуха.

– Зачем тебе это?

– Понимаю, бесплатный сыр только в мышеловке, верно? Но у тебя есть реальные шансы на победу и в моих силах помочь тебе в этом.

– Что ж, тогда я обещаю.

– Хорошо, – положительно кивнула бритоголовая. – Как я уже сказала, бесплатный сыр только в мышеловке. Ты в этом могла убедиться сегодня. Ведь ты не самостоятельно догадалась о прямом попадании в сердце? – приняв моё молчание за подтверждение, Скарлетт продол-

жила. – Принятое тобой решение стоило жизни одного из твоих союзников и доверия остальных. Теперь ты сама за себя и против тебя минимум один из Металлов, хотя я сомневаюсь в том, что Ртуть не захочет присоединиться к своему ухажеру. Ты умудрилась продержаться в Руднике два с половиной дня, осталось еще двадцать восемь. Во время обеда сядь с Шарлоттой, которая спасла тебя ночью от нападения, и с Пилар, которой ты помогла заработать сегодня десять баллов.

– Откуда ты знаешь про покушение?

– Девушки слишком много болтали об этом, когда ты оказалась по ту сторону зала. Мой тебе совет – вырви главенство в казарме и сделай это грубой силой, если хочешь исключить малейшие вибрации в свою сторону. После сегодняшнего поединка со Свинцом все начнут считать тебя не только сильным бойцом, но и серьезным противником, от которого следует избавиться прежде, чем он избавится от кого-нибудь из них. Ставь на место выскочек, внушай окружающим страх, заключай союзы даже с самыми слабыми участниками, не ходи по Руднику в одиночку и остерегайся Металлов. Их мысли – потёмки, их поступки – тайна. Не заблудись в том, чего попросту нет.

Скарлетт намекала на дружелюбное отношение со стороны Золота и Франция – это было очевидно.

– Но если они предложат помощь? Например, какое-нибудь лекарство?

– Если ты воспользовалась им и до сих пор не умерла, значит это не яд, расслабься. Я не советую тебе отстраняться от Металлов с доброжелательными намерениями, ведь минуту назад я рассказала тебе о важности союзов. Просто слушай их.

– Слушать?

– Слушай слова, советы, приказы Металлов, но думай прежде, чем что-то делать по их указке. В Ристалище вы будете врагами друг для друга, причем неравными, так зачем им тебе помогать? Сама подумай.

– Ясно. А что с самим Ристалищем?

– Ристалище – это труднопроходимая лесополоса с дикими хищниками и еще более дикими людьми. Тебе придется выживать там каждый день на протяжении одного месяца, параллельно сталкиваясь с другими участниками, которые обязательно попытаются тебя убить и даже убьют, если ты позволишь им это сделать, дав слабинку и не прикончив соперника первой.

– Но зачем это всё?

– Это телешоу, которое будет выходить в эфир один раз в неделю с обзором ваших успехов в Ристалище. Большая часть участников умирает на глазах у зрителей, немногие выжившие становятся частью элитных войск Дилениума и лишь единицы обращаются в Металл. Стать одной из Металлов тебе не светит, так что сосредоточься на выживании.

– То есть тэйсинтаи добровольно принимают во всем этом участие лишь для того, чтобы вступить в элитные войска Дилениума? Или для того, чтобы стать Металлом, что практически нереально?

– Для кантоновцев это единственный шанс вырваться из нищеты, чтобы потом всю оставшуюся жизнь купаться в роскоши и купать в ней своих близких.

– Или умереть.

– Или так. Тэйсинтаи – это люди, которым не нужна жизнь в сточной канаве, так что они заранее готовы умереть, вот только никто из них не учел некоторых факторов...

– Каких таких факторов?

– Поговорим об этом, когда доберемся до этого вопроса.

Я прислушалась к совету Скарлетт и во время обеда села возле Шарлотты и Пилар, которые явно были не против моей компании. Им либо мозгов не хватало, чтобы понять, что со

мной дружить опасно, либо их устраивал тот факт, что все меня немного побаиваются, из-за продемонстрированных мной острых спиц.

Отобедав в полном молчании, я отдала Пилар стальную звездочку, распоровшую мою ладонь, вместо её ножа, утерянного ею во время поединка со Свинцом. Девушка была явно рада столь щедрому подарку, однако Шарлотта заметила, что мне следовало бы оставить ценную вещь при себе, так как я вполне отплатила Пилар за потерянный нож, добыв для девушки десять баллов, которые ей не светили. В словах Шарлотты был смысл, но мне не хотелось лишать тихую Пилар возможности на самооборону, тем более я была уверена в том, что спиц мне вполне хватит.

Вечером я решила не идти в душ, из-за всё еще не появившейся горячей воды, и это решение было верным, так как уже спустя минуту после того, как в душ зашла долговязая Чеб, она вылетела из него с диким воплем, страшно бранясь на то, что уронила своё полотенце в унитаз. Внезапно она набросилась на крохотную Луну, у которой прежде отобрала спальное место, и вырвала из её рук полотенце, с целью присвоить его себе. Это был мой шанс воспользоваться очередным советом Скарлетт. Поднявшись со своей койки, я подошла к высокой Чеб, тянущей низкую Луну вверх за волосы, и громко произнесла:

– Отпусти её.

– Что-о-о?! – обернувшись ко мне, взревела девушка, уверенная в своем превосходстве надо мной. Остальные девушки сидели на своих койках, явно боясь попасть под раздачу гигантов.

Я резко сорвала с нахалки полотенце Луны, которым она успела обмотаться, и, бросив его в лицо ошеломленной коротышки, схватила полуголую Чеб за горло, ударила её затылком о шершавую стену, после чего резко прислонила спицы своей левой руки к её жилистой шее.

– Еще раз тронешь Луну или криво посмотришь на кого-то из моих союзников – прокалю твою глотку насквозь.

– У тебя есть союзники? – ехидно улынулась Чеб.

– Я, – громко прокричала со своей койки Шарлотта.

– И я, – приглушенно отозвалась откуда-то слева Пилар.

– Зачем же выдавать себя, дуры? – попыталась засмеяться Чеб, но я еще плотнее прислонила спицы к её горлу, тем самым придавив её смехок на корню. – Не у одной тебя есть оружие, – в ответ прохрипела она.

– Но я одна могу воткнуть лезвие прямо тебе в сердце, – переведя спицы с шеи к ключице соперницы, прорычала я, стараясь быть максимально убедительной. – И только я способна прокрутить им в твоей грудной клетке трижды, пока кровь не хлынет из твоей хрипящей гортани, как это было со Свинцом. Понятно?

– Понятно, – неожиданно поспешно сдалась Чеб.

Сжав её шею еще сильнее, я наконец резко выпустила её из своей хватки, позволив девушке согнуться из-за легкого удушья.

– Для вас же будет лучше, если вы со мной поладите, – повернувшись к сидящим по своим койкам девушкам, заявила стальным голосом я, позволяя Чеб укутаться в простынь. – Посчитали, что результаты моих первых спаррингов реальны? Мои реальные результаты вы могли лицезреть сегодня. Я – безжалостная машина убийств. В своем Кантоне я косила таких как вы пачками за один раз и готова сейчас же избавиться ото всех вас разом, чтобы расчистить себе путь в пятидесятку. Если кто-то против моей позиции или хочет проверить меня в деле, как сегодня это сделал Свинец, прошу, не стесняйтесь, – выпалила я и, после красноречивого молчания, нависшего в казарме тугим полотном, продолжила. – Советую со мной подружиться или хотя бы не раздражать меня своим дыханием, если хотите продержаться в Руднике лишние пару суток. А пока живите с мыслью о том, что с вами по соседству находится единственная в своем роде девушка пятикровка, с весьма впечатляющими и хладнокровными навыками.

Любой, кто осмелится доставить мне дискомфорт, уже спустя секунду будет лежать у моих ног с тремя дырами в сердце.

Вот это да! Слышал бы меня Эльфрик! “Пятикровка с хладнокровными навыками”, которая “пачками косила” людишек в Кантоне-А! Максимум, на что я была способна – это врезать ниже пояса хулигану, а моими жертвами были барсуки и зайцы, которых я если и косила, то точно не пачками и точно не из жажды крови.

Наведя на себя холодность, я медленно вернулась к своей постели и легла в нее не переодеваясь, так как температура в казарме за прошедшие сутки упала едва ли не ниже нуля.

Судя по реакции окружающих, моё выступление было и вправду весьма впечатляющим. Прежде еще никогда все так быстро не укладывались спать.

– Ты обеспечила мне, Пилар и Луне лучшую защиту за всё время нашего пребывания в Руднике, – ухмыльнулась спустившаяся ко мне сверху Шарлотта, стараясь говорить как можно более тихо. – Теперь, пока ты жива, нас будут обходить стороной, если мы будем ходить вместе. Чокнутая пятикровка, сердитая амазонка и две тихони. Убойную команду ты собрала. С таким составом мы точно сдохнем.

– Точно.

– Сегодня ночью дежурю я, так что спи спокойно. В моих же интересах сохранить тебя в живых, пока ты на моей стороне.

Глава 15.

Впервые за прошедшие несколько суток я по-настоящему выпалась. Когда раздался уже знакомый стук в дверь казармы и голос Скарлетт возвестил о начале нового дня, я осознала, что наступил мой четвертый день в Руднике и я всё еще жива. Встав с кровати, я попросила Шарлотту передать Пилар и Луне просьбу держаться от меня подальше вне казармы, чтобы не навлечь на них гнев Свинца.

Кастияэль порхал надо мной, радуясь новому наряду, который гарант купил для меня взамен порванного, и негодуя о том, что мой опекун категорически отказывается сменить мой макияж и локоны на что-то более “радикальное”. Натянув на себя очень плотные черные штаны в обтяжку и позволив Кастияэлю затянуть на мне черный корсет с широкими лямками, я с опаской посмотрела на обувь, в которой мне предстояло ходить. Кожаные полусапожки, украшенные ремнями, пряжками, металлическими звездами и шипами, устрашали меня именно каблуком. Да, он был небольшим и широким, однако прежде я ни разу в жизни не ходила на каблуках, что виделось для меня испытанием. Тяжело выдохнув, я запрыгнула в новую обувь, которая сразу же села на мне как влитая, и приняла из рук Кастияэля новые перчатки.

Обновленная модель перчаток напоминала предшествующую ей, вот только теперь, помимо спиц в костяшках, из запястий можно было призывать кинжальные лезвия. Я не радовалась тому факту, что эти штуки могут мне пригодиться, но была рада тому, что они у меня есть. Тот факт, что гарант сегодня раскошелился еще больше прежнего, мог означать, что я его порадовала. Жаль только, что он не обеспечил мне лечение моей порванной ладони. Хотя мазь Золота и пластырь гаранта более-менее мне помогли, рана всё равно была слишком глубокой и беспокоила меня каждую минуту моего существования.

В зеркале передо мной снова стояла девушка в черном, только на сей раз, из-за обтягивающих штанов и тугого корсета, поднимающего грудь едва ли не до ключицы, в ней появилась неподдельная сексуальность. Я не была рада этому факту, так как три предыдущих дня наблюдала за тем, как парни, пуская слюни, клеятся к полуголым девицам и даже пытаются распускать руки, но впервые в жизни чувствовать себя сексуальной всё же оказалось приятно.

Сегодня Кастияэль вовремя управился со своей работой, и я не опоздала на завтрак, направившись в столовую в компании своих союзниц. Все девушки остались в своих старых костюмах, сменив только макияж и прическу. Из слов Кастияэля было ясно, что гаранту смена гардероба его куклы обходится в целое состояние, которым в Дилениуме могут разбрасываться далеко не многие. А так как я являлась “дорогой” куклой, это сильно подогревало интерес публики Кар-Хара к моей персоне и к моему неизвестному гаранту. В приложении, установленном в гаджете Кастияэля, говорилось о том, что за прошедшую ночь стоимость на мою душу резко возросла от тысячи ста пятидесяти до двух тысяч трехсот монет. Такой резкий скачок в моем рейтинге мог означать одно – мой вчерашний поединок со Свинцом не прошел мимо публики. Моё умозаключение подтвердил и Кастияэль, который позже рассказал о том, что вчерашнее испытание транслировалось в семь часов вечера и зрители были в восторге от того, как я прокрутила нож в сердце Свинца.

После завтрака Скарлетт отвела нас в новый зал, край которого оканчивался широким обрывом. Подойдя к краю обрыва, я поняла, что передо мной черная пропасть, дна которой не разглядеть. Спустя минуту, сквозь толпу участников прошел Платина и, остановившись в паре шагов от меня, развернулся лицом к остальным.

– Ваше вчерашнее испытание, вместе с вашими неутешительными результатами, позади, – прохладно-отстраненным тоном начал Металл. – Сегодня перед вами будет постав-

лена новая задача. Она тоже на выживание. Тот, кто прыгнет в эту яму, получит двадцать баллов.

– Сразу двадцать?! – слышался мужской голос за моей спиной. – С учетом того, что за прошлое задание давали всего десять баллов и во время его выполнения большей части участников пустили кровь, а один даже был убит, выходит, что это задание опаснее минимум вдвое. В чем подвох?

– Перед прыжком назовите имя человека, которому, в случае вашей смерти, перейдут заработанные вами баллы, – проигнорировал вопрос Платина.

– Что-то типа завещания? – охнула Чеб.

– Что в этой яме? – поинтересовался другой участник.

– Две самых страшных вещи на земле, – отстраненно ответил Платина, после чего вдруг сделал шаг назад и сорвался в пропасть. От ужаса я громко вскрикнула и неосознанно сделала выпад, протянув руку, чтобы удержать его, но было уже слишком поздно. Я успела встретиться с безразличным взглядом Металла в мгновение, когда он уже падал вниз.

– У вас есть выбор, – скрестила руки на груди из ниоткуда появившаяся Скарлетт. – Либо прыгнуть, назвав имя приемника ваших баллов на случай, если ваш прыжок закончится фатально, либо остаться здесь. Можно прыгать друг за другом с разрывом в одну минуту – я засекаю.

Все затихли в попытке расслышать падение Платины, но темнота обрыва была настолько глухой, что резала уши.

– Это издевательство, – возмутился тэйсинтай, стоявший рядом со мной. – Кто решится пойти на самоубийство? Естественно Платина выживет, но у обычного участника столь малы шансы, что он должен назвать наследника. Не собираюсь менять свою жизнь на жалкие двадцать баллов.

– Тогда отойди от края пропасти и не мешай камикадзе, – прорычала Скарлетт, держа секундомер в руках. – Минута прошла, кто следующий?

Неожиданно все отстранились от края пропасти, словно желая вжаться в стены.

– Что может быть внизу?

– Он сказал, что там сразу две самые страшные вещи на земле...

– Она бездонна... Там не видно дна! Даже приземление Платины не было слышно.

– Наверное, там скорпионы...

– Или пауки...

– Может быть ров со львами? – засмеялся кто-то из парней, но осекся.

Подойдя к краю обрыва, я нервно сглотнула. У меня была минута на размышления, пока Платина летел вниз. В итоге я пришла к выводу, что вряд ли организаторы хотят угробить всех участников всего одним заданием. Однако тот факт, что они дают за прыжок двадцать баллов, красноречиво говорил о том, что на дне ямы находится действительно что-то ужасное. Что ж, у меня есть оружие на случай, если внизу какое-нибудь животное, и потом, спокойное лицо падающего вниз Платины придавало мне уверенности в том, что я не сломаю себе шею. Да – то, что несущественно для Металла, может стать для меня фатальным, но судя по моим смутным перспективам на жизнь, я по-любому умру через сутки, неделю, месяц или два месяца, так что мне нечего было терять...

– Делаю своим преемником Шарлотту, – нервно сглотнула я, испуганным взглядом встретившись с внезапно округлившимися глазами Скарлетт.

Я была в долгу перед Шарлоттой за тот раз, когда она спасла меня от ножа Зеклы, поэтому в случае своего летального исхода я смело могла считать себя в расчете перед союзницей. Не дожидаясь всеобщего осознания того, что именно я собираюсь сделать, я резко оттолкнулась от края пропасти и сорвалась вниз.

Полет казался бесконечным. Более жутких эмоций я, пожалуй, никогда прежде не испытывала. Вокруг была крошечная тьма, отчего казалось, будто я нахожусь в подвешенном состоянии, как в каком-то вакууме. Теория о вакууме возникла в моей голове из-за полного отсутствия звуков – стены словно поглощали их всех. Однако, несмотря на отсутствие звуков, я явственно чувствовала, как мои волосы развеваются на ветру. Сжавшись в позу эмбриона, я изо всех сил старалась не сорваться на крик от страха, который с каждой секундой всё сильнее нарастал внизу моего живота и рвался к гортани, заставляя моё горло, всё еще сдерживающее вопль ужаса, сжиматься в спазмах. С каждым мгновением мне всё больше казалось, что вот-вот и моё тело распластается на холодном бетоне. От возрастающей силы этой мысли на меня начала накатывать волна паники, и если бы я не была так испугана, я бы наверняка плакала и смеялась одновременно.

Неожиданно я попала в мощный поток воздуха, который развернул моё тело, заставив разжать руки у колен и продолжать падать спиной вниз. Не прошло и десяти секунд после моего столкновения с потоком воздуха, как я почувствовала, как моё тело отпружинилось от чего-то упругого и снова подскочило вверх. Это повторилось трижды, пока я не осознала, что моё тело подскакивает на чем-то вроде сетки, которую я не видела, но чувствовала руками. Вокруг всё еще было очень темно, но я уже совершенно забыла о своем страхе перед тем, что может таиться в темноте, глупо радуясь тому, что всё-таки не разбилась в лепешку.

Когда моё тело прекратило раскачиваться на сетке, я встала на четвереньки и хотела отправиться куда-то вправо, как вдруг кто-то схватил меня за ногу. Я была уверена в том, что это не что-то, а именно кто-то, так как ощутила на своей левой щиколотке невероятно горячие человеческие пальцы. Меня резко потянули в противоположную сторону от моего изначального направления, отчего я безумно захотела закричать, но ледяной страх словно сковал мои легкие. Когда меня рывком перевернули на спину и снова потянули к себе, более удобно схватившись за мою лодыжку, я издала пронзительный крик и попыталась ухватиться пальцами за дыры сетки, по которой меня стаскивали.

– Она кричит! – послышался мужской голос откуда-то сверху, и я поняла, что мой крик донесся до других участников.

– Успокойся, – тихо попросил кто-то из темноты, после чего схватил меня за левое запястье. “Одна из самых страшных вещей на земле – это человек...” – пронеслось у меня в голове. Не теряя ни секунды после того, как моё запястье сковали в железной хватке, я выпустила сразу все свои лезвия и спицы из перчаток. Рассудив о расположении противника, я была уверена в том, что его грудная клетка находится приблизительно на уровне моих глаз, но так как я не хотела никого убивать, я решила лишь затронуть ребра, поэтому сделала крученный удар кулаком снизу. Будучи уверенной в том, что это сработает, так как мы с незнакомцем сошлись в темноте, и он не мог видеть моих движений, я была шокирована тем, что мой удар остановили на полпути.

Неожиданно я отметила, что вокруг нас не крошечная темнота, и еще спустя мгновение поняла, что соперник не наносит мне ударов, а лишь удерживает меня за руки. Глаза еще несколько секунд привыкали к тому, что где-то в глубине ямы есть смутный свет, который сверху обрыва не было видно. Переведя взгляд с тусклого потока света на соперника, по ширине его плеч я поняла, что передо мной стоит Платина. Сердце застучало ещё сильнее – вчера я нанесла обиду его товарищу, и наверняка Платина сейчас меня покорёжит за это...

Мы встретились взглядами, и вдруг Платина приложил указательный палец к своим губам, после чего ткнул им вверх, явно давая понять, что я должна вести себя тихо и не отвечать на голоса доносящиеся сверху, которые истерично пытались узнать, что именно произошло со мной после моего пронзительного крика. Убедившись в том, что я его поняла, Металл постепенно отпустил моё левое запястье и отстранился.

Моё сердце всё еще выпрыгивало из груди, и я всё еще не была уверена в том, что Платина меня не тронет, поэтому я решила пока не прятать свои лезвия. Встав сбоку от Металла, я поняла, что слишком громко и тяжело дышу, и начала пытаться утихомирить свои легкие, всё еще пребывающие в состоянии панической атаки.

– Успокойся, – глухо произнес Платина. – Я не собираюсь тебя убивать.

– Эммм... Спасибо, – полушепотом отозвалась я, не в состоянии выдать что-нибудь более адекватное.

– Да не за что, – как-то странно отчеканил Металл, переведя на меня свой холодный взгляд, при этом не поворачивая своей головы. Он стоял всего в полшаге справа от меня, со скрещенными руками на груди, и теперь, когда я привыкла к темноте, я могла рассмотреть даже черты его идеальных скул. – Ты своим криком сильно напугала участников.

– Извиняюсь... Не нужно было тащить меня за ноги.

– И вправду, стоило оставить тебя на сетке, чтобы какой-нибудь камикадзе расплющил тебя своим телом.

– Я собиралась слезть самостоятельно...

– Ты бы ударила лбом в западную стену.

– Ты говорил, что внизу нас ждет две страшные вещи, которые только есть на земле, – решила перевести тему я прежде, чем взорвусь от злости.

– Ты с обоими уже познакомилась, – снова покосился на меня Платина. – Это неведение и я.

Конечно, мне хотелось сказать, что он слишком самоуверен, но что-то внутри моего подсознания подсказывало мне, что мой собеседник не врет. Сжав кулаки посильнее, я незаметно сделала полшага в противоположную сторону от Платины.

– Я ведь уже сказал, что не собираюсь тебя убивать, – сжато выдохнул Металл. – И всё же, из-за твоего вопля никто больше не прыгнет.

– Не прыгнет. Только не из-за моего вопля, а из-за собственного страха.

– Хочешь сказать, что ты бесстрашна?

– Нет, но у меня неплохо получается бороться со своими страхами.

– Не забывай об этом, – хмыкнул Платина, явно не желавший продолжать беседу, и мы замолчали.

Около пяти минут мы простояли в полной тишине, после чего сверху обрыва послышался голос Скарлетт: “Идиотов больше нет!”. Поняв, что бритоголовая назвала меня идиоткой, мне стало немного досадно, однако я не успела на этом сосредоточиться.

– За мной, – скомандовал Платина, отправившись напрямик к стене. – Не хочу, чтобы ты меня душила, так что садись спереди, – произнес он, согнув и внезапно воткнув свою правую ногу носком в каменную стену, чем заставил её раскрошиться.

– Что? – округлила глаза я, всё еще не понимая, как такое возможно – пронзить каменную стену одним ударом носка ноги.

– Если не хочешь остаться здесь навсегда, садись на меня спереди, – невозмутимо повторил он.

Я обошла Платину, чтобы оказаться со стороны его левой ноги, стоящей на полу.

– Закидывай левую ногу на мою согнутую, – холодно произнес Металл, явно недовольный моей медлительностью. Так как правая нога Платины была слишком высоко согнута, мне пришлось опереться рукой о его плечо, чтобы закинуть на него свою голень.

– Издеваешься? – сжато выдохнул он. – Садись на ногу и держись за шею, стараясь не откидывать голову, чтобы не врезаться затылком в скалу.

Я начала подпрыгивать, чтобы выполнить указание – у меня впервые в жизни что-то столь неуклюже получалось. В какой-то момент Платина понял, что ситуация тупиковая и,

резко подняв меня за талию своей левой рукой, усадил меня на своё колено. Правой рукой он врезался в стену, и на мою голову сразу же упали каменные крошки.

– За шею, – выдохнул Платина, словно задолбался повторять одно и то же по десять раз, после чего я всё-таки обхватила его шею.

– Можешь крушить скалу не над моей головой? – сжато выдавила я.

– Голову к груди, – ответил Платина, после чего резким рывком подпрыгнул вверх. В этот момент я так сильно вцепилась в его шею, что буквально впилась в нее своими ногтями, которые Кастизель этим утром так старательно выкрашивал в красно-черные тона. Жмуря глаза то ли от страха перед тем, что вот-вот впечатаясь в скалу, то ли от страха перед каменными крошками, падающими мне на голову, я пыталась понять, что именно происходит. Из-за крошечной темноты, я совершенно ничего не видела, но была уверена в том, что Платина взбирается вверх по скале, дробя её в пыль.

Примерно спустя минуту Платина вдруг сделал очень резкий рывок вверх и, спустя несколько секунд, буквально выдрал мои ногти из своей шеи. Когда я открыла глаза, я поняла, что только что пережила куда больший страх, чем во время прыжка вниз. Ужас перед тем, что мой скелет навечно впечатается в скалу или мою голову раздробит огромный булыжник, или мы вместе сорвемся вниз, и Платина придавит меня своим металлическим телом, оказался куда более сильным, чем банальный страх перед падением на бетон.

Справа от меня оказалась Скарлетт, а напротив меня уже стоял хмурый Золото, которого, в самом начале испытания, с нами не было. Я не понимала, что именно злит златовласого парня, но была уверена в том, что его сердитый взгляд, остановленный на мне, вряд ли может быть результатом моих действий, так как я совершенно ничего не успела сделать... Только если его не злил мой испуганный вид.

Глава 16.

По итогам успешно пройденного мной испытания, мне и Шарлотте присудили по двадцать баллов (мне за смелость, Шарлотте за моё “последнее желание” перед прыжком). Однако это событие было самым ярким лишь до обеда, пока огромный Бакчос не повздорил в оружейной с пятикровкой и не вонзил нож в его грудную клетку. Вся эта кровавая история произошла без меня, так как я в это время перебежала из секции огнестрельного оружия в секцию с сигнальным, пытаясь скрыться от любопытных взглядов Металлов. Моему прохождению испытания мало кто был рад, а точнее никто, за исключением Шарлотты и Луны с Пилар, которые тщетно надеялись на то, что находятся под моей опекой (мне бы самой хорошая опека не помешала). Свинец и Ртуть не скрывали того, что не были довольны моим успехам, да и Золото смотрел на меня с целой эмоциональной гаммой на лице. Неизвестно чем, кроме как заработком баллов, но я точно привлекала к себе внимание самых опасных противников.

Этой ночью в карауле была я, позволяя Шарлотте выспаться. И хотя я не мылась в ледяном душе, как это сделали сегодня самые рискованные из девушек, я чувствовала, что у меня начался озноб. Я не была уверена, но, кажется, всему виной были холодные ночи и недосып вкупе с постоянным стрессом, из которого у меня не было шансов выйти хотя бы левой ногой. Простуда – не самое паршивое, что могло со мной произойти, но она вполне была в силах довести меня до самого паршивого.

К утру моё состояние ухудшилось. У меня наверняка была температура под тридцать восемь, но на фоне общей сонливости моя вялость, к счастью, не выделялась.

– Кастиэль, ты общаешься с моим гарантом? – вяло поинтересовалась я, наблюдая за тем, как стилист водит помадой по моим губам.

– Я бы так не сказал. Это одностороннее общение – он пишет свои требования по поводу твоей внешности, а я выполняю их без шанса на ответное сообщение.

Моя надежда на то, что я смогу через Кастиэля связаться с гарантом или хотя бы передать ему информацию о том, что мне необходимо какое-нибудь чудо-лекарство, в одно мгновение обратилась в пепел.

Во время завтрака я через силу впихнула в себя полпорции безвкусной возни на тарелке, которая, впрочем, хотя и не имела вкуса, всё же поддерживала участников в отличной физической форме. После завтрака Скарлетт сообщила нам о том, что сегодняшнее испытание состоится во второй половине дня, так что следующие пять часов мы провели в оружейной, наблюдая за тем, как тэйсинтай тренируются между собой. Я сидела в дальнем углу комнаты и мысленно молила о том, чтобы никто не вздумал проверить свои кулаки или какое-нибудь оружие на мне. С каждым часом моё состояние ухудшалось и к моменту, когда Скарлетт вернулась в оружейную, чтобы отвести нас на обед, некоторые Металлы уже явно начинали поглядывать на меня косо. Я знала, что мне необходимо нормально питаться, но впихнуть в себя хотя бы кусок подобия еды на сей раз я не смогла. Этому факту несказанно обрадовалась Пилар, бодро стащившая недоеденную мной порцию под неодобрительным взглядом Шарлотты.

Меня определенно штормило. Если до обеда у меня был жар, то после начался настоящий озноб. Нас завели в уже знакомую комнату с рингом, после чего ознакомили с новым заданием, которое оказалось еще сложнее предыдущего. Участник должен был взобраться по канату, закрепленному в центре ринга, и стащить с него флаг, висящий у самого потолка. Никаких матов или страховки не было, и с учетом того, что вверх по веревке необходимо было проползти ровно пятьдесят метров, это задание было определенно куда более опасным, чем прыгнуть в яму с натянутой сетью. Если участник сорвется с верхушки или хотя бы с середины

каната – разобьётся или сломает себе столь важные сейчас кости, если же сорвется с маленькой высоты или не захочет подниматься вовсе – ему придется встать в спарринг с одним из желающих Металлов и успеть вонзить в него клинок, который предоставит Скарлетт, и сделать это прежде, чем Металл успеет вывести своего противника из строя. Всё предельно понятно и я бы запросто выполнила задание, если бы не тряслась всем телом и у меня не была травмирована рука.

На сей раз, я вытянула девяносто пятый номер, так что до моей попытки было около часа. Сев у стены и почувствовав новую волну подступающего жара, я стала наблюдать за происходящим. Металлы в свободном порядке меняли друг друга на ринге и наблюдали за тем, как участники вскарабкиваются по канату. Никто не хотел вступать в неоправданный бой с мощным соперником, против которого нет ни единого шанса на победу, и все хотели заполучить десять баллов. В итоге участники по очереди лезли по канату, но никто так и не смог развязать флаг, напрочно закрепленный на его верхушке. Некоторые добирались лишь до середины каната и возвращались назад ни с чем, некоторые добирались до самого верха, но у них не хватало сноровки или сил сорвать цель. Никто еще не отказался залезать наверх и не сорвался с небольшого расстояния, так что Металлы лишь сменяли друг друга на ринге, скучая от безделья. Во всем этом не принимали никакого участия только Золото и Платина, между которыми неожиданно появилась какая-то холодность. Прежде они были не разлей вода: Золото постоянно пытался развеселить и растолкать своего сдержанного товарища, но сегодня держался с ним прохладно, что заметно беспокоило Франций.

Я закрыла глаза, размышляя о том, что это только четвертый день моего пребывания в Руднике, и я не могу расстаться с жизнью из-за какой-то банальной простуды. Кажется, я слишком сильно ушла в себя и даже начала дремать, беспечно позабыв о том, где нахожусь, потому что не сразу поняла, что возле меня кто-то остановился. Открыв глаза, я увидела прямо перед собой беленько лицо Франция.

– С тобой всё в порядке? – поинтересовалась девушка своим красивым голосом, напоминающим перелив колокольчиков.

– Да, – растерянno отстранилась я.

– Ты бледная и... – не договорив, девушка притронулась к моему лбу. – Всё ясно.

С этими словами она отпавилась в сторону Золота и Платины. Я же поднялась с пола и, сдвинув брови и напустив на себя максимальную серьезность, старательно сделала вид, будто я в полном порядке. До сих пор Металлы не контактировали ни с кем из участников, за исключением меня, что теперь меня немного напрягало.

Когда я подошла к рингу, тройка из Золота, Франция и Платины уже внимательно меня рассматривала. Я видела это боковым зрением, но не решалась посмотреть в их сторону, чтобы не встретиться с кем-то из них взглядом.

Очередная волна жара прошла и меня снова начало трясти от озноба. К началу же моего выхода на ринг меня уже колотило с такой силой, что это начинало предательски выдавать моё истинное состояние.

До сих пор никто, за исключением Луны, еще не сорвался с каната. По правилам соревнования, Металл не обязан страховать участника, однако, несмотря на это, стоящий внизу Золото заранее сгруппировался и без проблем словил девушку, аккуратно поставив её перед собой. И хотя Луна провалила задание, ей сильно повезло – благодаря доброте Золота её жизнь была спасена. А вот парню, который взбирался как раз передо мной, везение не улыбнулось. Забравшись до самого потолка, он потянулся за флагом, но вдруг соскользнул и сорвался вниз. Стоявший у каната Свинец мог его спасти, но он безразлично отстранился, позволив несчастному распластаться прямо у его ног. Я не была готова к подобному, поэтому, когда парень упал всего в нескольких шагах от меня, отчего я отчетливо услышала треск его костей, мне вдруг показалось, будто я забыла, как дышать. И не я одна. В зале повисла немая тишина, пока

Скарлетт, спустя полминуты, не потребовала убрать тело “выбывшего участника”. Когда его товарищи по Кантону перевалили тело несчастного за пределы ринга, наступила моя очередь. Снова начав дышать, я вдруг осознала, что от увиденного мои судороги стали еще более очевидными, отчего, в тщетной попытке собраться, ударила себя ладонями по бедрам.

Когда Металлы, стоящие в шаге от ринга, посмотрели в мою сторону, Свинец дернулся вперед, явно желая проконтролировать мой крах, но Платина опередил его буквально на долю секунды, перепрыгнув через канаты ринга прежде, чем Свинец успел высказать своё недовольство.

– Нож или веревка? – по обыкновению поинтересовалась Скарлетт, крутя в своей руке увесистый клинок. Мои шансы хотя бы поцарапать самого сильного из Металлов равнялись нулю, так что я планировала долезть до середины каната и вернуться назад прежде, чем мои руки окончательно бы онемели. Если бы не моё текущее состояние, я бы наверняка добралась до самого верха и стянула бы заветный флаг. Я владела отличным опытом лазанья по деревьям в компании с Эльфриком, так что у меня были все шансы на победу в этом испытании, но моя простуда уже начала играть против меня. Выйдя в центр ринга, я уже смирилась с тем фактом, что сегодня заработать заветные десять баллов мне не светит, да и мои шансы дожить до утра слишком близятся к нулевой отметке.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.